

Роман-предупреждение. Происходящее в книге вовсе не выглядит фантастикой, напротив: фашизм в области здравоохранения — это почти реальность. KOMMUNALARBETAREN

БОЙНЯ

РОМАН ОСА ЭРИКСДОТТЕР

ПАРТИЯ ЗДОРОВЬЯ — ПАРТИЯ БУДУЩЕГО

Сверд показал мускулы в Копенгагене

Через поколение каждый третий
швед будет страдать от ожирения!

Мы стоим перед катастрофой!

ОЖИРЕНИЕ — ПСИХИЧЕСКОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ?

Профессор Гарварда:
проблема в мозге

ЛИПОСАКЦИЯ В УПСАЛЕ: ПОХУДЕНИЕ ЗА ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА

Забудь таблицы калорий —
наработай форму с помощью
наших простых методов

ШВЕДСКИЙ ФИТНЕС

Мы превратим
тебя в жиросжигающую машину!

Если хочешь быть красавцем,
Надо очень постараться.

Напряженный триллер огромной эмоциональной силы, реалистично и пугающе описывающий процесс распада демократии и перехода к обществу тотальной слежки и контроля, когда люди согласны ограничить свою свободу ради безопасности и здоровья. FRANCE INTER

Оса Эриксдоттер

Бойня

«Фантом Пресс»

2016

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)

Эрикسدоттер О.

Бойня / О. Эрикسدоттер — «Фантом Пресс», 2016

ISBN 978-5-86471-879-7

Одна из самых благополучных стран, Швеция, решила устроить “новый прекрасный мир”, очистив его от людей, которые не удовлетворяют стандартам здорового образа жизни – от всех, у кого вес превышает определенную правительством норму. Ожирению объявлена война. Выпечка, мясо, сладости и много чего еще отныне вне закона. Если ты не укладываешься в весовую норму, то тебе прилетают официальные предупреждения, соседи косятся, на улице вслед летят оскорбления. Но это только начало. Церкви постепенно превращаются в фитнес-залы, фермы закрываются, по ТВ агрессивно рекламируются все способы сбросить вес – от диет до хирургии... Молодой историк Ландон в отчаянии наблюдает, как его девушка постепенно погружается в анорексию. Медсестра Хелена потеряла работу из-за того, что, по новым установкам, медсестры с избыточным весом плохо воздействуют на пациентов. Писательница Глория попадает в ловушку, расставленную Партией Здоровья. Толстяки постепенно начинают исчезать. А потом исчезают просто крупные люди. Когда исчезает и Хелена, Ландон отправляется на ее поиски. Пугающий, невероятно реалистичный и абсолютно затягивающий в себя роман Осы Эрикسدоттер – страшное видение того, как дискриминация может стремительно стать нормой, как с человека слетает цивилизованность, как легко нас всех обмануть. Больше интересных фактов об этой книге читайте в ЛитРес: Журнале

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)

ISBN 978-5-86471-879-7

© Эриксдоттер О., 2016

© Фантом Пресс, 2016

Содержание

Часть первая	8
Часть вторая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Оса Эрикسدоттер

Бойня

Åsa Ericsson
Epidemin

© 2016 Åsa Ericsson
© Сергей Штерн, перевод, 2021
© Андрей Бондаренко, оформление, 2021
© “Фантом Пресс”, издание, 2021

* * *

Самоконтроль человека гораздо менее эффективен, чем принято считать. Излишняя вера в спорадический, от случая к случаю, самоконтроль провоцирует импульсивное поведение большинства населения. Употребление алкоголя, курение и ожирение показывают, что самоконтроль носит случайный и непоследовательный характер. Иррациональное поведение мотивирует и оправдывает государственное вмешательство.

“Цена калорий”, доклад ESO¹, 2011

Диета – сильнейший политический наркотик в истории женщин; умеренное безумие приводит к полному параличу воли.

Наоми Вульф, “Миф о красоте”

Лицо – маска, скрывающая безумие.

Эва Энслер, “Хорошее тело”

Эпидемия ожирения опаснее пандемии COVID-19. Сорок процентов населения планеты имеет лишний вес, который приводит к инфарктам, инсультам, диабету, онкологии и другим болезням. Число людей, умерших от проблем, связанных с ожирением, значительно превышает количество жертв пандемии коронавируса.

Доктор А. Мясников, в эфире канала “Россия-1” 16 января 2021 года

19... год

Германия, Рамштайн

С. Л. Джексон – американский офицер, воюет во Вьетнаме, Ульрика – молодая шведка, вот-вот сдаст выпускной экзамен на медсестру. Приехала навестить подругу, с которой не виделась после начальной школы.

Представьте: весна, розовые облака цветущих вишен. Природные красоты на том и кончаются, смотреть особенно не на что, кроме американской военной базы. Ульрика выходит по вечерам погулять, она очень привлекательна в коротком сарафанчике без бретелек. Американцы вообще-то ей не особенно нравятся, народ неотесанный, но этот был такой ладный и такой огромный, что она не сдержала улыбку. Привет – привет. И ахнуть не успела, как он прижал ее к стене. Свирепая эрекция, будто на кол насадил.

Пытка быстро закончилась: после долгого воздержания он всего-то раз десять отдал приказ “в атаку” и победил; но такой победой гордиться нечего: она вопила, как раненый зверь.

¹ European Stroke Organisation – европейская комиссия по профилактике инсультов. – Здесь и далее примеч. перев.

Через девять месяцев Ульрика отдала новорожденного сына для усыновления обеспеченной паре в Кобу, под Упсалой. Доктор наук Бертил Томсон-Егер и его супруга Амбер, тощая и бесплодная дама. Мальчика окрестили Ландон. Произносится именно так – Ландон, а не Лэндон. Приемные родители в церкви сидели по правую сторону, проникающее сквозь цветные выражи солнце казалось голубым.

Через двадцать лет возмужавший Ландон получил от матери письмо. Он только что переехал на Скулгата в Упсале, готовился поступать в университет. Трудно определить, что подвигло Ульрику написать, – то ли решила облегчить совесть, то ли попросить прощения.

“Твой отец”, – написала она и поставила двоеточие. Имя, фамилия, приблизительный возраст. А в конце – статистика: погибшие и пропавшие без вести; выглядело так, будто она передает ему этот мрачный список в наследство.

Он меня изнасиловал, написала она. В Германии в те годы было полно таких изголодавшихся самцов. А потом эти жуткие роды, до сих пор боли в тазу.

Какое-то время спустя Ландон попытался найти мать – безуспешно. Имя и фамилия отца отыскились в списках погибших.

Стыд выжидал двадцать лет и все же настиг.

Рыжеватые волосы норвежского оттенка, многие принимают его за приезжего из соседней страны. Довольно высокий; матово-бледные, веснушчатые щеки. Многомесячная борода.

Он робок с девушками, и они его слегка презирают. Единственное, в чем он дает себе волю, – еда. И конечно, фанатичный, даже нездоровый интерес к вьетнамской войне. Тумбочка под телевизором битком набита дисками с документальными фильмами. Случайно обнаружил кафедру североамериканской истории и записался на курсы, потом на другие и на третьи – пытался понять самого себя. “Отец”: легкая тошнота, черно-белая фотография из архива в Вашингтоне, мощная, тяжелая челюсть. Но насилие? Этого он понять не мог.

Раньше не мог.

Вся история начинается как раз тогда, когда Ландон сошелся с Ритой Петерс, незадолго до выпуска. Наступило новое тысячелетие, в Швеции буксует экономика. Первые интервью с Юханом Свердом вспыхивают в потоке новостей, как разряды молнии: “Мы стоим перед катастрофой”, “Через поколение каждый третий швед будет страдать от ожирения”. Новая партия революционизирует здравоохранение, шведы опять станут стройными. Необходимы решительные и глубокие реформы. Огромные скидки на бариатрические операции.

В призывах молодого основателя партии Ландону слышатся интонации помешанной на собственном весе приемной матери. Еще один идиот, решает он. Вся эта Партия Здоровья, как они ее называют, – не более чем скверная шутка. Смехотворный правый популизм самого низшего разряда.

Когда семь лет спустя Ландон и Рита разойдутся, Юхан Сверд станет статс-министром², а Рита будет весить сорок килограммов.

² Так в Швеции называется должность премьер-министра (“государственный министр”).

Часть первая

Он из тех парней, что просят извинения сразу после, а то и за пару секунд до эякуляции. Это про него.

Обидную фразу бросила одна из сокурсниц на празднике. Обидную и несправедливую. Но задело. Спросите у Риты – хотел он возразить. Откуда вам знать?

Рита явилась на выпускной бал для докторантов в полосатой, плотно облегающей грудь блузке. Голос не то чтобы оперный, но это не помешало ей забраться на стол и спеть старинную студенческую песню. Прошло несколько часов, прежде чем Ландон решился с ней заговорить. Она – литературовед с пристрастием к эстрадной поэзии, он – американец, получил образование на никому не известных курсах.

Разговорились, и что-то из сказанного привлекло ее внимание.

Рита положила его застенчивость на ладонь и раскрошила в порошок. Впервые в жизни у него появилось что-то дорогое и важное, если не считать единственного письма от Ульрики, биологической матери.

Иногда они с Ритой ездили на дачу его приемных родителей на острове Каварё. Сидели каждый в своем углу огромного дивана со своими диссертациями. Рита занималась проявлениями мачо-культуры в поэзии трущоб, он писал работу про Улофа Пальмё и его расхождения с Америкой. По вечерам залезали в постель с полуторалитровой коробкой сливочного мороженого и глядели друг на друга с удивлением: с какого перепугу мы потеряли целый день?

Ландон отложил ручку и поднял голову. Он должен перестать про нее думать. Во что бы то ни стало, раньше или позже, – он должен перестать про нее думать.

Иногда они встречались в коридорах, и он отводил глаза. Серое восковое лицо, отошала до неузнаваемости.

Последний год он изо всех сил старался ее разубедить – напрасно. В конце концов купил картонные ящики, упаковал вещи и съехал. В ее квартире на Лютхагсэспланаден место уютного дивана заняли двухметровый эллиптический тренажер и беговая дорожка. Гантели, эспандеры Пилатеса, шар Пилатеса, бесчисленные глянцевые журналы с рецептами капустных смузи и подробным описанием диет голливудских звезд... Рита ничего не готовила. Прогрессировал ацидоз: в ванной заметно пахло ацетоном.

Прошли месяцы. Рита стала лектором на факультете литературоведения – Глорию Эстер заставили уволиться. Ландон проходил пост-докторантуру на кафедре Северной Америки, но сумеет ли он удержаться на этом месте – неясно. Последний контроль показал, что он может вот-вот получить письменное предупреждение. “У вас ЖМК целых сорок один!” – воскликнула медсестра и осуждающе покачала головой. Институт питания решил, что много лет исправно служивший ИМТ, индекс массы тела, безнадежно устарел, дает слишком щедрые оценки. “Вас пока спасает высокий рост, – сказала сестра. – Но предупреждаю: положение серьезное”.

Так и сказала. Будто речь идет о преступлении.

Предложенная Партией Здоровья жирно-мышечная квота стала их главным политическим оружием. Именно ЖМК определяет пригодность к работе. ЖМК выше сорока двух – будьте любезны, вам в государственном секторе делать нечего. Когда Ландон впервые услышал проект этого закона, не поверил своим ушам. Теперь-то он был куда менее наивен. Раньше не осознавал, как далеко может зайти партия. На его кафедре Северной Америки один из доцентов был вынужден уволиться. И не только он – вместе с ним ушли двое молодых докторантов. Ландон попытался протестовать, но заведующий кафедрой пожал плечами. “Это же не я, – сказал заведующий. – Не я и не ректор. Такие вопросы решают более высокие инстанции”.

Новую партию народ принял с энтузиазмом. Юхан Сверд выбрал идеальную политическую позицию – между Альянсом и “соссами”³. На предвыборных дебатах выглядел так ярко и убедительно, что даже такие старые приверженцы “модераторов”, как господин и госпожа Томсон-Егер, поддались его харизме. И не только консерваторы – левые, а среди приятелей Ландона были и такие, тоже встречали молодого и энергичного политика восторженными аплодисментами. Особенно когда он говорил о необходимости усилить государственный сектор в экономике.

Атмосфера в университете изменилась. В столовой уже не говорили о Расселе, Хомском и Т. С. Элиоте. Главным предметом споров стала жратва – что можно есть, а что нельзя. А уж если съел, какой нужен тренинг, чтобы побыстрее от съеденного избавиться. Ландон теперь предпочитал садиться за отдельный столик, чтобы не слышать эти разговоры. Обязательные тренировки никак не поднимали настроение. Он с отвращением смотрел на студентов-теологов, покидающих фитнес-залы чуть не за полночь, с темными разводами пота на футболках, зализанными волосами и пустыми от изнеможения глазами.

Как Рита, отмечал он с горечью. Эти тоже спятили.

И старался больше про это не думать.

Ландон достал из картонной коробки одну из переплетенных книг и поставил автограф на титульном листе. Коллега из Стокгольма надумал прочитать его диссертацию. Замечательно – и коробка стала граммов на сто пятьдесят легче, и хоть какая, но известность.

Он искал отца много лет. Собственно, его диссертация и была результатом этих поисков. Об этом знала только Рита, и теперь он уже жалел, что она знает. “*Шведско-американские отношения 1968–1974*”. Уже закончив работу, Ландон придумал подзаголовок: “*Проблема Пальмё*”. В подзаголовке, вообще-то говоря, и была главная фишка. Пальмё резко критиковал вьетнамскую войну, американцы обиделись, и обида затянулась на годы.

Три недели сидел в архиве в Вашингтоне и листал документы. Фотографии, сделанные солдатами и офицерами, перечень передислокаций. В городе стояли свинские холода, выпало почти два метра снега. Каждый вечер садился в автобус (17:30), добирался до общежития, пил кофе из бумажного стаканчика и жевал сладкие “*Фиг Ньютон*”.

Научному руководителю очень импонировал его энтузиазм. Мэтр не понимал: отчеты, которые Ландон посылает в Упсалу – всего лишь отвлекающий маневр. А правду знают только он и библиотекарь. Почти все время Ландон посвящает вещам, не имеющим никакого отношения к убитому шведскому статс-министру.

И ведь нашел! Нашел фотографию. Другую, не ту, что прислала его исчезнувшая мать. Герой войны Сален Логан Джексон. Коротко стриженные льняные волосы. Медали на лацкане. Но челюсть та же – тяжелая, широкая, как и должна быть у покорителей Дикого Запада.

Это было за полгода до того, как он встретил Риту. Приемным родителям, Бертилю и Амбер, письмо Ульрики он не показал. Вообще никому не говорил, не только им. У Ландона не было никого, с кем бы ему хотелось поделиться.

В тот вечер он долго мерз на лестнице Капитолия. Сквозь тую непрекращающегося снегопада загадочно светились расплывчатые ореолы уличных фонарей. Одна за другой с рычанием проползали снегоуборочные машины.

Вот это и запомнилось больше всего: мороз. Для чего-то другого уже не осталось места.

Уже на следующий день Ландон вернулся в архив и начал читать. Отчеты о радикальных речах Пальмё. Буйные митинги левых. Циклопический первомайский митинг в Хюмле-

³ Альянс – четыре либеральные партии: Умеренная коалиционная партия (“модераторы”), Народная партия (либералы), Христианские демократы и Партия Центра. “Соссы” – народное прозвище социал-демократов.

гордене⁴. Работа шла с невиданной и неожиданной скоростью. Американская армия сыграла отбой, ретировалась из его головы, а доблестный солдат ретировался вместе с ней, уступив место тому, ради чего он сюда и приехал.

Через полгода он пошел на тот бал и влюбился.

Решетка сливного трапа покраснела от крови. Вода жжет вспухший рубец на бедре. Музыка в бывшей бильярдной на площади Сивия грохочет так, что трясется весь зал.

– Сражайся! Сражайся!

Женский рев был слышен даже в душевой. Рита Петерс подписала соглашение – про собственную ответственность. Возможные травмы, повреждения и все такое. Плевать. *Делайте со мной что хотите, лишь бы...*

Отключила воду и посмотрела на бедро. Длинный багровый след. Потемнело в глазах, остановилась – удар плетью. Останавливаться запрещено. Никаких оправданий. Потемнело – посветлеет.

Рраз-и-и-и, два-и-и-и...

В группе она самая толстая. Девушки на беговой дорожке рядом – стрекозы по сравнению с ней: изящно торчащие ключицы, набухшие вены на бицепсах. Ей стыдно. А можно еще раз? Пожалуйста, но придется подождать. Как это выдержать? Просидеть час, целый час! Сидеть и ничего не делать. Только сидеть. Она выпила слишком много воды, живот надулся как шар. Чего доброго, решат, что она беременна. Даже близко нет.

– Дава-а-ай...

“Борись или умри” – так называется их группа. Весь Голливуд так работает. Тренеры не понимают слов “не могу”. Спрыгнул с беговой дорожки – получи.

И эта жвачка без сахара... уже два пакета, но голод несколько не утолен. Организм отчаянно требует пищи.

Автоматически включилась теплая вода – жжение в бедре несколько не уменьшилось.

– Рита П.?

Она вздрогнула. Светловолосая, с щедрым макияжем женщина на пороге душевой.

– Следующий комплекс. Можешь подключиться, если хочешь.

Рита сморгнула. Голова непроизвольно качнулась, словно она уже сказала “да”.

АЦЕСУЛЬФАМ-К, АСПАРТАМ, ФРУКТОЗА, ГЛЮКОЗА, МЕД, ЛАКТОЗА, КЛЕНОВЫЙ СИРОП, КУКУРУЗНЫЙ СИРОП, САХАРИН, САХАРОЗА, СТЕВИЯ, СУКРАЛОЗА.

Хелена Андерссон скомкала рекламные листки и выбросила в мусорное ведро вместе со старыми тетрадками Молли.

Не вникай, моя девочка. Это все фокус-покус.

Сняла с полки коробки с пастой и загрузила в большой бумажный пакет. Мука и сахар сверху. Остановилась и задумалась. Что еще? Какао? Ванильный сахар?

Положила и то и другое, вынесла в прихожую. Ложки, вилки, ножи, лопатка, мутовка – в коробку из-под бананов. На коврик уже стоит синий клеенчатый пакет из “ИКЕА” с полотенцами и простынями. Посмотрела искоса на переполненную вешалку. Обычная история: годами не выкидываешь ненужное. То ли жаль, то ли лень.

Что взять из всего этого? Ну хорошо... куртки. Комбинезончик Молли. Шапочки – на улице довольно холодно. Свою сумку Молли упакует сама. Придет из школы и упакует. Что ей паковать? Плюшевый кенгуру и журнальчики “Калле Анка”⁵ за последний год.

⁴ Парк в центре Стокгольма (“Шмелиный сад”).

⁵ Так в Швеции называются диснеевские мультфильмы *Donald Duck*. Журнал для детей носит то же название.

Хелена уверена: она понимает дочь. Больше Молли ничего не надо, разве что тот свитерок с кошачьей мордочкой на груди. Она без ума от кошек.

Хелена печально улыбнулась. Какая трогательная девчушка...

Она не поверила своим ушам, когда впервые услышала о школьной реформе. Решила – розыгрыш. Подобный учебный план мог предложить только сумасшедший или маньяк. Часы на общеобразовательные предметы радикально сокращены. Для всех без исключения шведских школьников главными уроками становятся физкультура, спорт и здоровый образ жизни. *Сугубо временная мера*, обещает Юхан Сверд, *но все разумные люди понимают: положение настолько критическое, что требуются экстраординарные действия*. И дальше в том же духе, одна речь зажигательнее другой. *Мы обязательно вернемся к нормальному учебному плану! Но не раньше чем дети обретут нормальный вес и приемлемую спортивную форму. Нормальный вес – нормальный учебный план.*

Ее злила даже мысль об этих новшествах. Не понимают, что ли: несколько лет диеты – и голодание доведет малышей до тяжелой анорексии? Молли восемь лет, а основной предмет в школе – *диетология*. А учителя, соответственно, – диетологи, или, как их теперь называют, *нутриционисты*. Хелена и другие родители пытались протестовать, но ректор лишь пожимал плечами: что мы можем сделать? Мы не несем ответственности. Такова линия партии власти. Мы ничего не можем сделать.

К тому времени как Молли перевели в новый класс, Хелена уже полгода была без работы. За три года им удалось растолочь крепкие, как ей казалось, ядрышки самоуважения и уверенности в себе, которые она выращивала всю сознательную жизнь. *Испытательный срок. Рассматривай это как шанс избавиться от лишнего жирка*, сказал кадровик в поликлинике в Йиму и бросил многозначительный взгляд на ее широкие бедра.

Хелена сняла с крючка зимний комбинезончик и оттянула рукав. Неужели дочка успела из него вырасти? Розовый пуховик уже тесен. *Мальчишки смеются* – то и дело надувает губки Молли.

Чертова школа, чтоб ей провалиться... На той неделе Молли принесла книгу для чтения: “Лили начала соблюдать диету”. На обложке девочка в слезах рассматривает в зеркало свой пухлый животик. На последней странице текст: маленькой Лили надоело, что ее дразнят. Она решила похудеть, похудела и, разумеется, вернула друзей и стала предметом обожания и примером для подражания.

Хелена остолбенела. Хотела сразу выбросить, но удержалась: все равно заставят. Фрёкен Мартина не допускает никаких послаблений. Решила прочитать книжонку вместе с Молли и разъяснить девочке этот бред. Чем быстрее, тем лучше. Она отметила места, где наиболее ярко проявлялись нетерпимость и дискриминация. *Хорошо ли это?* Нет, нехорошо. *А ты бы как поступила?* И попросила придумать собственную историю под названием “Лили снова весело”. Конец тоже счастливый: бедная девчушка если и похудела, то чуть-чуть. Зато начала понимать: в жизни есть вещи куда более интересные, чем здоровая еда и ненасытная фиксация на внешности.

Вот такое теперь домашнее обучение. Жалкие попытки защитить и предотвратить, предотвратить и защитить. Каждый вечер пытаться разузнать, что было в школе. Позаботиться, чтобы после уроков Молли могла нормально поесть. Девочка не должна все время ходить голодной, это вредно для психики. Как они говорят, *избыточное кормление – суррогат любви*. Я не подменяю любовь едой, уговаривала себя Хелена. Но любовь не заменяет еду. Должна быть пропорция. Сама она потратила подростковые годы на борьбу с полученными в наследство щедрыми формами. Идиотизм. Молли не должна повторить ее печальный опыт. При чем тут скверные привычки? – пыталась она объяснить школьной медсестре. У всех женщин в роду Андерссон широкие бедра, но все они здоровы и плодовиты. Попытки похудеть приводили, как

правило, к обратным результатам. Сама она кое-как преодолела этот комплекс относительно безболезненно... а что будет с Молли? Сколько времени займет борьба с собственной физиологией? И к каким результатам она приведет, эта борьба?

Шансов почти не было. Школьники вместо завтрака получали сверток под странным названием “низкокалорийный пакет”. Брать с собой завтраки – ни в коем случае! Молли и некоторым ее одноклассницам даже запретили появляться в школьной столовой, чтобы нормальные дети не вздумали делиться с ними и без того исчезающе малыми калориями школьного “завтрака”. В полученном извещении о переводе Молли в специальный класс слова “запретить” не было, но смысл ясен.

Мы не хотим никого стигматизировать.

Молли хватило трех секунд, чтобы сообразить, о чем идет речь. Восемь лет все же, не восемь месяцев.

Врат Хелена не решилась. Попыталась объяснить: эксперимент, моя девочка. Требование нового правительства. *Ты же помнишь, как я потеряла работу? Но это ненадолго. Скоро все наладится.*

Сама же понимала: это всего лишь попытка смягчить и приукрасить истину. Они уже уши прожужжали. *“Не волнуйтесь, это испытательный период, временная мера, мы должны оценить результаты”*. Как же... Все временные меры Юхана Сверда можно назвать любым словом, только не “временными”.

Вернулась в кухню. Вынула из углового шкафчика пачку бумаг: надо проверить, не осталось ли неоплаченных счетов. Взгляд упал на брошюрку, присланную школьной медсестрой, и она с трудом удержала рвотный спазм.

Глянцевая бумага весело бликует в свете кухонной лампы. На первой странице изображен розовый поросенок на больничной койке со снежно-белой опоясывающей повязкой на животе. И подпись:

*Если хочешь быть красавцем,
Надо очень постараться.*

Прикусила губу. Именно так и поступили с Эмилем.

Хелена до сих пор не могла в это поверить. Даже для взрослых операция бандажирования желудка – тяжелая эмоциональная травма. На курсах медсестер лектор подчеркнул несколько раз: *тяжелая эмоциональная травма*. Невозможность нормально есть нарушает социальные связи, не говоря о нарастающей фрустрации: человек не в состоянии делать многое из того, с чем раньше легко справлялся благодаря нормальному питанию. Тяжелая травма даже для взрослых! Что тогда говорить о детях? Семилетний мальчик с десятью процентами желудка...

Хелена свернула в рулон шарфики Молли. Эмиль... операция оказалась неудачной. Фрёкен Мартина поведала об этом на родительском собрании. Хелена долго не могла понять, что она имеет в виду. Кто-то из родителей предложил устроить поминки, но Мартина отмахнулась: какие еще поминки в разгар занятий? Может, потом...

Вы же сами понимаете: никакой спешки.

Хелену передернуло. Письмо, присланное фрёкен на прошлой неделе, выдержано в том же хамском тоне.

Мы, как правило, надеемся на тесное сотрудничество родителей. Списки допустимых продуктов, необходимого тренинга и т. д., розданные в начале учебного года, остаются обязательными и после его окончания. Несмотря на это, результаты Молли далеки от ожидаемых. Мы в недоумении: какова причина? Неужели Вы не делаете необходимых усилий по части соблюдения здорового питания? Скорее всего нет, причем это касается и Вас лично.

Внутри все кипело от ярости. Единственное *необходимое усилие*, которое она с удовольствием бы сделала, – пошла в школу и врезала фрёкен по ее тощей морде.

Именно поэтому она встала так рано и начала паковать вещи в своем таунхаусе в Йиму. Сволочная брошюрка с поросенком – очень плохой знак. Письмо еще хуже. Двоих мальчишек из класса Молли направили на операцию, один из них умер. Пора исчезнуть.

По крайней мере, на время.

В квартире на Скулгатан полнейший хаос. Повсюду книги, картонные коробки из-под пиццы, грязные кофейные чашки. На старинном дубовом столе, который Ландон в свое время привез из секонд-хенда на грузовом скейтборде с четырьмя колесиками, в полнейшем беспорядке разбросаны штук двадцать копий статей. Материалы к заказанной главе в учебнике. “Роль Швеции во вьетнамской войне”. Он сразу решил: буду работать дома. Мудрое решение – теоретически. Никаких дипломников с бесконечными вопросами. Не врываються студенты, причем как раз в тот момент, когда удастся сосредоточиться. Или коллеги – им, видите ли, захотелось выпить кофе в компании.

Нет, это он загнул. Коллеги – это вряд ли. Какой кофе... Уже полгода почти все пьют несладкий лимонный чай из машины, которая неизвестно почему по-прежнему называется кофейной. Как-то купил шоколадный кекс и поймал на себе десяток взглядов, которые даже истолковать трудно. То ли осуждение, то ли сочувствие: бедняга наверняка помешался.

Но можно поставить вопрос и по-иному: а что, если и в самом деле Ландону Томсон-Егеру лучше работается в одиночестве? Не факт. Но он даже в мыслях не допускал вернуться на работу.

Все было бы ничего, если б не квартира. Слишком велика. Невозможно сосредоточиться, а вспомнить, куда положил нужный листок, – об этом и мечтать не стоит.

Прослonyaвшись неделю из угла в угол, решил поехать на Каварё. Родительский летний дом на острове – лучше не придумаешь. Остров, правда, соединен с материком мостом, но все равно *остров*. Опыт есть: диссертацию Ландон писал именно там, работа катилась легко и быстро. После развода приемных родителей старинный дом пустовал. Бертиль не приезжал целый год. Скучно без Амбер, сказал он. Чего-то не хватает. И хотя родители, пока еще были вместе, постоянно кокетничали своей привязанностью к старым вещам (предмет особой гордости – идеально ухоженный “вольво-240”), никто, кроме Ландона, по-настоящему дачу не ценил. Раньше родители приезжали туда довольно часто, а сейчас дом пустовал месяцами. Амбер постоянно заявляла: вот как вернусь, обязательно там и поселюсь, соскучилась по сельской идиллии, но после развода так ни разу в Швеции и не была. Ландон, по крайней мере, ее не видел. А Беппе безвылазно торчал на своей огромной вилле, рассказывал анекдоты, решал кроссворды и понемногу впадал в деменцию. Может быть, и нет, не впадал, но Ландону иной раз так казалось.

Отчим обещал ему и дачу, и “вольво”. “Мне ничего не нужно, – сказал он и без особой горечи добавил: – И я никому не нужен”.

Ландона привлекла возможность поработать в одиночестве. Не то чтобы он пришел в восторг, но все же привлекла. Поехал к Бертилю забрать ключи. Двадцать минут они молча сидели за столом, поглядывая на серые овсяные лепешки. Ландон притворился, что ему нужно срочно позвонить (“*очень, очень важный разговор*”), и вышел в сад. Когда вернулся, отчим начал бубнить что-то насчет курса доллара и шведских ценах на недвижимость. *Наверное, стоит продать этот дом и уехать куда-нибудь подалее. В Испанию, к примеру.*

Ландон не знал, что на это ответить.

Он огляделся, сунул в рюкзак ноутбук и толстую пачку бумаг – на даче очень нестабильный интернет, наверняка придется пользоваться заблаговременно сделанными бумажными копиями источников.

Еда. Взял чистый лист и задумался. Хлеб, масло, мед... Бекон. Пармезан. Туалетная бумага? Да... только как сделать, чтобы до нее не добрались мыши? В прошлый раз они построили целый город. Наверное, лучшего строительного материала для гнезд им не найти.

Потом вписал лук-шалот и сливки. Не особенно охотно, подобные деликатесы требуют возни. Он едет работать, а не стоять у плиты. Издал короткий, скорее озабоченный, чем болезненный стон и пошел в спальню. Трусы, носки... по дороге остановился перед зеркалом. Светлые волосы отросли так, что начали завиваться в локоны, а про бороду и говорить нечего. Ямочка на подбородке, которая так нравилась Рите, исчезла. Попробовал улыбнуться – вышло так себе.

Ландону не везло с девушками, пока не встретил Риту. Впрочем, и этот роман трудно назвать везением. Ему едва исполнилось тридцать, а ощущение такое, что все позади. Амбер упрекала: *посмотри на себя и посмотри на Риту*. Смысл ясен: Рита куда более цельная натура, потому она и ушла.

Может, и так. Он неуклюж и нерешителен. Не хочет проявлять инициативу. Женщины любят тех, кто держит их в руках. Это он слышал не только от Риты. Таких, как тот, чья физиономия то и дело появляется в телевизоре. Юхан Сверд, с загадочным взглядом... каких глаз? Каких угодно, только не голубых. Рита запала на него мгновенно. Ландон никогда ему этого не простит.

Он никогда не простит Риту Юхану Сверду.

У него не было никакого желания следовать этому проповеднику здорового образа жизни. Пытался, но хватало самое большее на две-три недели. Странно... Рита, как ему казалось, и любила его именно за чувствительность, за терпение. Почему-то особенно ее привлекало “потрясающее умение” выбрать точное количество оборотов перечной мельницы. Он так до конца и не понимал, что она имела в виду. Оказывается, точное количество – это ровно столько, сколько надо, чтобы не переперчить, но сохранить вкус перца.

Однако, как оказалось, терпение в совместной жизни – штука односторонняя. Искусство ждать незаменимо, чтобы приготовить идеальный томатный соус или написать близкий к совершенству текст, но когда речь идет о любви... тут требуется взрыв, фейерверк. Как у буйного шизофреника.

Ландон заглянул в гардероб. Сорочки... Где он будет их стирать и тем более гладить? К тому же почти все тесны, поскольку Амбер выбирала подарки с намеком: не пора ли сбросить несколько килограммов? Хватит пары-другой футболок. Еще одни джинсы? Вдруг порвет или чем-то зальет.

Он задвинул дверцу гардероба. Зачем нужны чистые, элегантные тряпки на даче, где в это время года никого нет? Явный перебор. Разве что Амбер прилетит спецрейсом с Ривьеры и потребует, чтобы приемный сын выглядел как полагается достойному мужчине.

Осталось только забрать заказанные в Каролине⁶ книги. Потом в Кобу, послушать тоскливое бормотание отчима и взять ключи от “вольво”.

На улице холодно и сыро. Ландон оседлал велосипед. Докатил до Ремесленников и пересек улицу Святого Улофа.

У церкви Святого Троиства на Соборной площади стоял грузовичок с притворяющейся трехмерной надписью во весь борт: “ШВЕДСКИЙ ФИТНЕС”. Два молодых накачанных парня перетаскивали огромные картонные коробки в здание церкви. STAIR MASTER 4200,

⁶ Отдел университетской библиотеки в Упсале.

CX-SUPER SPIN⁷. Дверь открыта настежь, на улице свалены в кучу несколько рядов стульев и пара высоких и темных старинных картин без рам.

Ландон затормозил и опустил ногу на асфальт.

Они не остановятся. Больше половины церквей в Упсале еще в прошлом году переоборудовали под “центры здоровья”, как они их называют. Несколько месяцев назад он заглянул в церковь Святого Микаеля, посмотрел на результаты повального психоза. И что они собираются делать дальше? – подумал он тогда. Снимут Иисуса с креста и повесят схему упражнений на растяжку? Вместо кафедры проповедника водрузят помост со штангой?

Предсказания сбываются: именно так они и сделали. Проповедников духовного совершенства сменили проповедники совершенства физического. Бесплатный фитнес привлек сотни желающих.

Подошла женщина, не глядя в глаза, сунула ему в руку листок и почти убежала. Он слова не успел сказать.

Напечатано на старинной пишущей машинке.

Да не обольстит вас никто никак: ибо день тот не придет, доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели. Противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом, или святынею, так что в храме Божьем сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога⁸.

После рисунка, изображающего неизвестного науке устрашающего вида зверя, еще одна цитата.

Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстительным и учениям бесовским. Через лицемерие лжесловесников, сожженных в совести своей, запрещающих вступать в брак и употреблять в пищу то, что Бог сотворил, дабы верные и познавшие истину вкушали с благоговением⁹.

Ландон перевернул листовку – пусто. Поискал глазами, но женщина растворилась, будто ее и не было. Что это? Слово Божье? Возможно, Господь решил пообщаться, предупредить об опасности? Самоделка, конечно, но все бывает на этом свете. Он сложил бумагу.

Грузчики ловко, чуть ли не с одного толчка, запрыгнули в машину. Один легко поднял над головой штангу килограммов на восемьдесят, будто решил потренироваться на работе. Другой хохотнул. Еще один, постарше, с бородкой, стоял в дверях и наблюдал, как резвятся подчиненные.

У Ландона вдруг возникло желание подойти к парням и сказать им что-то, только он не знал что. После похорон отца Риты он ни разу не был в церкви. Считал себя атеистом. Хотят отменить христианство – пусть отменяют. Но почему-то грустно. А что, если взамен христианства национальной религией станет религия здоровья, проповедуемая Юханом Свердом? Что тогда делать людям, которые и в самом деле во что-то верят?

Идеология здоровья. Они называют ее идеологией, но это тоже религия, только лишенная надежды на спасение души. Вы будете счастливы, но для этого надо похудеть. И все? Оболочка сияет глянцем, а за ней пустота.

Ему вдруг стало противно смотреть на этих веселых парней.

Оттолкнулся и покатил в библиотеку. Это не его проблемы. Уже не его.

⁷ STAIR MASTER 4200, CX-SUPER SPIN – тренажеры.

⁸ 2 Фес.; 2 Сол. 2:3–4.

⁹ 1 Тим. 4:1–3.

Что-то должны впрыснуть. Памятка, которую ей дали прочитать, была довольно подробной, но туманной. Сначала курс мощных антибиотиков – надо уничтожить всю бактериальную флору кишечника. Затем несколько очистительных клизм, а потом в кишечник инъецируют содержимое кишечника очень худого донора. Тоже с помощью клизмы. Новая флора обеспечит значительное ускорение метаболизма.

– Репопуляция, – объяснила молодая женщина в очках образцово научного вида. – Вы поняли? Ре-по-пу-ля-ция.

Кремовая блузка с воланами, необычная прическа – толстая коса, уложенная венком. Тяжелый американский акцент.

– И когда ждать результат?

– Вы почувствуете разницу уже через две недели. Несмотря на исходный низкий вес.

Рита посмотрела на нее с подозрением. Она не считала свой вес таким уж низким... хотя Ландон характеризовал все ее попытки одним словом: *безумие*.

– А это не больно?

– Нет... совершенно не больно.

Еще раз заглянула в памятку. Схема желудочно-кишечного тракта. Фотография с микроскопа: продолговатые колбаски полезных бактерий. Почему-то цвета сепии, как старинный дагерротип. *Базовое исследование, первая фаза, медицинские противопоказания*.

– Есть и синтетические аналоги, но мы, как я уже сказала, используем доноров.

Рита испытующе посмотрела докторантке в глаза:

– А вы гарантируете безопасность?

– Тройная проверка. – Женщина присела за столик и с немыслимой скоростью защелкала по клавиатуре компьютера.

Рита исподтишка наблюдала. Блузка у американки свисает на груди. Куплена еще до похудения. Сухие, без блеска, светлые волосы.

Докторантка оторвалась от компьютера и несколько секунд молчала – дожидалась, пока из принтера выползет распечатка.

– Вот... Все участники эксперимента должны подтвердить согласие письменно.

Рита решительно взяла ручку.

Через пять минут отворила дверь Биомедицинского центра и вышла на улицу. Еще один контракт на медицинскую процедуру, обеспечивающую быстрое похудение.

Оглянулась: стеклянные двери кафедры фармацевтической микробиологии приветливо поблескивают на солнце.

Ландон с недоумением посмотрел на задернутое окно. Никак не мог понять – приснилось или в самом деле кто-то постучал? Наверное, приснилось. Повернулся на другой бок и собрался было заснуть опять.

Тот же стук. Нет, не приснилось.

Сел на кровати, потряс головой и пошел открывать.

Сначала показалось, что за дверью никого нет. Опустил глаза – маленькая девочка. Первое, что бросилось в глаза, – кошачья мордочка на груди свитерка.

– Привет, я Молли, – сообщила девочка и весело улыбнулась.

Ландон тоже улыбнулся. Невозможно не улыбнуться на такое приветствие.

– Привет, Молли.

– А ты Томсон. На почтовом ящике написано.

– Вообще-то это мой папа... но я тоже. И я Томсон.

– Твой *papa*?!

Ландон расхохотался. Видимо, в глазах этой девчушки он выглядит глубоким стариком. У таких стариков пап не бывает.

Наверное, из-за бороды.

– Ландон, – церемонно представился он и протянул руку.

– Бананы, что ли, любишь?

Он не сразу понял. Молли кивком показала на его грудь. На старой вельветовой футболке красовался уорхоловский¹⁰ банан, по нелепости не уступающий кошачьей голове без кошки.

– Очень, – подтвердил Ландон и убрал руку – она не сделала даже попытки ответить на его приветственный жест. Должно быть, научили: с чужими за руку не здороваются. – Еще как люблю! Ем три штуки в день. Не меньше трех.

– Что? – У нее округлились глаза.

– Банановое пюре на завтрак, банановое пирожное на ланч и банановый пудинг на ужин.

Девочка уставилась на него с подозрением.

– Ты врешь, да?

– Немного привираю. Ты права. Но совсем чуть-чуть.

– А мама говорит, врать нельзя. Даже чуть-чуть нельзя. Говорит, даже самая маленькая неправда – все равно неправда.

– Что я могу для тебя сделать? Ты продаешь что-нибудь? Рождественские журналы? Вроде рановато...

Ландон никак не мог сообразить, чем вызван ее визит.

– Мама велела пригласить тебя на брекки.

– *Брекки?*

– *Breakfast*, – пояснила девочка. – Фрулле, одним словом.

– А это что за зверь – фрулле?

– *Frukost*¹¹. Мама сказала: пригласи, но только если он добрый. Ты то есть. Ты добрый или как?

– А твоя мама... – Ландон поискал глазами машину. – Вы на чем сюда приехали?

– Мы же здесь будем жить! – Девочка посмотрела на него как на идиота. Не только старый, еще и тупой. – Мы твои сосе... не, ты наш сосед. Мы только что приехали.

Ландон не совсем понял, какой смысл девчушка вкладывает в понятие “сосед” и как это зависит от времени переезда. Скорее всего, так: кто раньше приехал, тот и сосед.

– Вот как... ты хочешь сказать, приехали на выходные?

– Ну нет... будем здесь жить. *Пока не уляжется*. Так мама сказала. А мне нравится. Надо только раздобыть кошку.

Ландон посмотрел на нее с интересом. В этом дачном поселке никто не живет круглый год, разве что пожилой фермер по другую сторону леска. И еще пара глубоких стариков у озера... если еще не умерли, он их пока не видел. Эта часть Каварё – сплошные летние дачи. Приезжают, торопливо красят фасады, устраивают домашние раковые фестивали¹² и исчезают в сентябре, как только столбик термометра начинает ползти вниз.

– А в каком доме вы будете жить? В желтом на углу?

– Не... в красном.

Ландон знал этот дом. Там раньше жил одинокий старик, Эдгар... Эдгар, Эдвин или что-то в этом роде. Беппе, отчим, был с ним знаком. Но, насколько Ландону запомнилось, –

¹⁰ *Энди Уорхол* (1928–1987) – американский художник, родоначальник поп-арта. Интересующиеся могут найти этот банан в интернете.

¹¹ *Breakfast* (англ.), *frukost* (шв.) – завтрак.

¹² В начале августа в Швеции традиционно устраивают праздник поедания раков.

типичный летний домик с плохой изоляцией и без отопления, если не считать небольшой, скорее декоративный, камин.

Молли нетерпеливо прыгала со ступеньки на ступеньку.

– Ну ты идешь или нет?

– А ты уверена?

Уверенности не хватало именно Ландону. Идти в гости к незнакомым людям? В такой ранний час?

Но именно так и поступила эта девчушка! Мало того – разбудила!

– Бутерброды с жареными фрикадельками.

– На завтрак?! – Он невольно улыбнулся.

– Само собой! Но мы завтракаем ровно в девять, имей в виду.

Ландон обернулся. Стенные часы показывают без пяти девять, то есть идти надо именно сейчас. Еще раз глянул на Молли. Надо быть не в своем уме, чтобы купить маленькой дочке свитер с отрубленной кошачьей головой.

– Погоди минутку. Мне надо одеться.

Он натянул древний вязаный свитер поверх футболки с бананом, сунул ноги в деревянные башмаки – отец всегда держал их у дверей – и пустился вдогонку. Девочка успела отбежать довольно далеко.

– Мама, мама! – Молли вихрем взлетела на крыльцо и рывком открыла дверь. – Он пришел! Я же говорила!

Ландон замер на пороге. Внезапно осознал, как выглядит: пижамные брюки и изрядно траченный молью свитер.

– Знаешь, Молли, я, пожалуй, схожу домой и...

Из кухни вышла женщина. Намного моложе, чем он предполагал. Белая блузка, небрежно завязанный на бедрах фартук. Каштановые волосы заплетены в толстую, рыхлую косу. Полновата, но формы великолепные, почти античные.

Ландон невольно покраснел.

– Извини... извините, – он даже начал заикаться, – извините за вторжение.

– Да что вы! Это я должна извиниться. Насколько я знаю свою дочь, именно она вторглась к вам, а не вы к нам. Молли не терпелось с вами познакомиться часов с шести утра. Даже раньше – со вчерашнего вечера, как только увидела ваш “вольво”. Ее уже было не остановить... – И запнулась, заметив неортодоксальное, мягко говоря, облачение собеседника. – Ой! Она же вас из постели вытащила!

– Нет, нет, что вы...

Женщина весело улыбнулась. Явно не поверила.

– Хелена.

Он пожал протянутую руку:

– Ландон.

– Банан, – поправила Молли.

– Все замечательно. – Ландон заметил брошенный на девочку осуждающий взгляд. – Это наш маленький секрет.

– Но он соврал, – заметила Молли. – Три раза в день бананы! Такого не бывает.

Хелена несколько раз перевела взгляд с Молли на Ландона.

– Все замечательно, – подтвердил он. – Не спрашивайте. Секреты выдавать не полагается.

Кухня в старом доме выглядела точно так, как он ее запомнил. Меблировка очень скромная. Сосновый стол, два тонконогих стульчика и лоскутный ковер, составленный из четырех маленьких. Под окном кухонный диванчик с рундуком. У бабушки был в точности такой же,

она хранила в нем настольные игры – штук двадцать, не меньше. На полках банки с пряностями. Белые тюлевые гардины – тоже как у бабушки, в них постоянно запутывались, долго жужжали и засыпали вечным сном осы. В углу у двери громоздится штабель картонных, еще не распакованных коробок.

Хелена вытащила из духовки противень с золотисто-коричневыми булками – запах совершенно одуряющий, у него даже голова закружилась.

Поставила чайник. Вода в мойку, оказывается, поступает из зеленого садового шланга.

Она проследила за его взглядом, усмехнулась и вытерла руки о фартук.

– Элитной виллой назвать трудно.

– А как же с горячей водой?

– Только в душе. Там бойлер... короче, я пока еще мало что здесь знаю. Не обжилась.

– Я не потому... при чем здесь... все равно очень мило. Но мне кажется, я бывал в этом доме раньше. Здесь жил пожилой человек... вроде бы его звали Эдгар.

– Эдвард! – Хелена внезапно просияла. – Значит, вы помните моего отца?

– Вашего отца... Вот оно что. Значит, поэтому вы...

– Он в доме престарелых. Альцгеймер.

– Как обидно.

– А вы как сюда попали?

– Так же, как и вы. Попросил у отца разрешения пожить на его даче. Мне надо написать кое-что.

– Вы писатель?

– Исследователь. Изучаю Северную Америку.

– В Упсале?

– А почему бы нет?

Хелена поставила на стол плетеную хлебницу, сгребла с противня свежеспеченные булки и налила кофе. Толстый глазастый кусок твердого сыра, выдавший виды сырненький рубанок и масленка.

– Сахар?

– С удовольствием.

На пакете с сахаром – предупреждение. Большие, жирные черно-красные буквы.

– Надо бы запастись, – произнес Ландон задумчиво. – С первого января налог на сахар увеличат на десять процентов. Видно, принятые меры недостаточны...

– Любые меры недостаточны, если послушать Юхана Сверда. Его партия не успокоится, пока не классифицирует сахар как наркотик.

– “Наркотик”, – усмехнулся Ландон. – Вы смеетесь? Наркотики – детская забава. Сахар куда опасней. От кокаина, к примеру, худеют.

– Ну да... скоро начнут бесплатно раздавать пакетики с коксом. Утощайтесь. – Она опять вытерла руки о фартук и присела на диванчик.

– Ваши булки – хоть сейчас на конкурс красоты.

– Ну да... я провалюсь, так хоть булки.

Хелена разрезала булку вдоль и протянула дочери. Молли пристроила четыре фрикадельки и осторожно подняла булку обеими руками.

– Если хочешь, я их тоже разрежу. Удобнее есть, не скатываются.

Девочка молча помотала головой, и на лице матери промелькнула тень тревоги.

Ландону захотелось ее приободрить.

– Спасибо вам за приглашение. Теперь все изменилось. Я рассчитывал на тотальную изоляцию. Думал, буду сидеть, работать и давиться покупным хлебом, из которого выжали все калории.

Она улыбнулась.

– Вопрос решается легко. Перейти улицу, постучать в дверь – и всех дел.

Домой Ландон вернулся после полудня. Утро прошло незаметно. В благодарность за роскошный завтрак он настоял, чтобы Хелена позволила ему перетаскать коробки на второй этаж, а потом они сидели за столом и пили кофе. Чашку за чашкой.

Как славно: получено приглашение и на завтра. Хелена сказала, что ей надо проконопатить окна до морозов. Ландон понятия не имел, что это за слово – “проконопатить”. Приду домой, посмотрю в словаре, решил он и на всякий случай кивнул:

– Я вам обязательно помогу.

Хирург на телеэкране начертил на бледном животе несколько непонятных линий. Показал зрителям большую, довольно толстую иглу и важно произнес:

– Игла Вереша.

На экране тут же появились титры: ИГЛА ВЕРЕША.

Хирург воткнул иглу в живот и открыл краник редуктора.

– Мы нагнетаем в брюшную полость углекислый газ. Метод называется “карбоксиперитонеум”.

Опять титры: КАРБОКСИПЕРИТОНЕУМ.

Живот раздулся, как баскетбольный мяч.

Хирург сделал несколько небольших разрезов, ввел в живот гибкие шланги, и поверхность живота исчезла с экрана. Вместо него появилась ворочающаяся синюшная масса – картинка из брюшной полости. После не особенно сложных, но загадочных манипуляций желудок оказался перехваченным силиконовым кольцом, как песочные часы. Верхняя часть не больше куриного яйца.

Вновь появилось лицо хирурга – сосредоточенные, умные глаза над голубой маской.

– Великолепно. Близко к совершенству.

Девочке на операционном столе двенадцать лет. Рита ей позавидовала. Липосакция, потом силиконовое колечко. Сама она охотно прошла бы этот экстремальный курс.

Но пришлось удовлетвориться визитом в поликлинику, где ей вручили *Purify* – предлагаемую Партией Здоровья бесплатную вакцину против ожирения. Она выпила дозу, после чего начал немисливо чесаться задний проход. Медсестра сказала – да, бывает, желудок должен стабилизироваться. Побочные эффекты со временем пройдут. *Эта вакцина – как солнце. В мае уже через полчаса трудно выдержать, а к концу лета хоть целый день на солнцепеке, кожа не протестует.* В программе “Доктор Стен” объяснили: *Purify* – это дезинтоксикация. Вакцина помогает телу естественным образом очиститься от ядов. Женщина из публики спросила: “Говорят, что *Purify* не что иное, как обычный глист. Это правда?”

Риту передернуло от омерзения, но доктор Стен засмеялся. Да, *Purify* был паразитом, уточнил он, но теперь исправился и стал хорошим паразитом. Он питается только жиром. Только жиром, повторил он, покосился на дисплей смартфона и обвел взглядом участников шоу. Видимо, в сценарии было написано “возгласы одобрения”. Или “веселое оживление”.

Не верить же в дурацкую байку: дескать, правительство тратит многомиллионные суммы из бюджета, чтобы травить население. Только Ландон может поддаться на такую конспирологию – когда ШТВ поменяло название на ТВЗ и превратилось из Шведского телевидения в Телевидение Здоровья, он в ярости скомкал газету и остаток дня крыл правительство последними словами. *Фашисты сраные* – самое мягкое определение власти. Так смешно гневался, что у нее даже настроение поднялось.

Хотя... через неделю бесплатную вакцину уже трудно было назвать бесплатной. Плата оказалась чувствительной – Рите ни разу не удалось опорожнить кишечник, живот вздулся,

как дирижабль. Она часами лежала, прижав подушку к солнечному сплетению. *Солнечное... вакцина, как солнце.* К вопросу о преувеличениях.

Завтра надо идти в Биомедицинский за очередной партией антибиотиков. Им не понравится, что она нарушает чистоту эксперимента.

Посмотрела на часы. Без десяти. На телевизионном столике куча книг, а сверху – пачка сегодняшних рекламных листов.

ЗАБУДЬ ТАБЛИЦЫ КАЛОРИЙ И НАРАБОТАЙ ФОРМУ С ПОМОЩЬЮ НАШИХ ПРОСТЫХ МЕТОДОВ

ФИРИС ФИТНЕС ЭКСПЕРТ: МЫ ПРЕВРАТИМ ТЕБЯ В ЖИРОСЖИГАЮЩУЮ МАШИНУ

ЛИПОСАКЦИЯ В УПСАЛЕ: ПОХУДЕНИЕ ЗА ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА

Правительственные субсидии превратили всю нацию в предпринимателей. Появились сотни фирм, предлагающих немедленное истребление калорий и снижение веса. В почтовой щели ее квартиры на Лютхагсэспланаден каждое утро распотрошенным веером торчат рекламные листовки.

Опять посмотрела на часы. Чай уже почти остыл, но до четырех – ни глотка. Как на беговой дорожке – нельзя останавливаться, пока на дисплее не появится ровная цифра. К примеру, 01:00:00. Или 44:44:44.

Тупо посмотрела на телеэкран. Мозг отказывается поглощать ненужную информацию. В университете объяснила: мне нужно шесть недель, чтобы сосредоточиться на научной работе. Спасибо, один из докторантов предложил взять ее курс на это время.

Пока она ни разу не включила компьютер.

Странно... она так мечтала о заветном докторском перстне¹³, а теперь он лежит в кухонном шкафчике. Несколько раз собиралась отнести к ювелиру на Дроттнинггатан уменьшить диаметр, но так и не собралась. К работе никакого интереса. Разумеется, ей выпал счастливый жребий – занять место самой Глории Эстер, но теперь это казалось не таким уж важным. Студенты на кафедре литературы стали другими, чем в ее время, – вялые и незаинтересованные. А может, она сама виновата – заражаются ее настроением? Если ей скучно, как может быть интересно им?

Пощелкала пультом. Теперь показывали тренировочный лагерь для детей с избыточным весом. Панорама осеннего леса – золотые кроны берез, вечнозеленые ели на их фоне кажутся черными. Человек двадцать пухленьких шестилеток бегают круг за кругом под бодрый мотивчик Корнелиса Вресвика “Письмо из колонии”. Тренер кричит, подгоняет и ругает отстающих. Следующий кадр: розовощекий мальчуган в столовой чистит яблоко.

– Все калории в кожуре, – задыхаясь после бега, важно объясняет он репортеру. – Кожуру есть нельзя.

Калерии...

Рита зажмурилась. Не стоит заводить детей. Если не хочешь о них по-настоящему заботиться – не рожай. Как ее отец, к примеру. Ему не надо было заводить детей. Но он очень переживал, что из него не вышел хороший отец. *Все, что у меня есть, – ты, Рита. Никого, кроме тебя, у меня нет, черт бы тебя побрал.*

¹³ В Упсальском университете ученые, защитившие диссертацию на звание доктора философии, получают золотое “докторское” кольцо. Его носят на безымянном пальце левой руки над обручальным.

Он лежал три дня на красном ковре из “ИКЕА” между диваном и журнальным столиком, в окружении пустых бутылок. Ей позвонил его сотрудник – не знает ли она, где отец, почему не вышел на работу в понедельник? Она не знала. А во вторник взломали дверь и нашли его мертвым, с мобильным телефоном в руке. Последний звонок Рите, в пятницу вечером.

А она не ответила. Представила, что это будет за разговор, и не взяла трубку.

Ты же не могла знать. Незачем казнить.

Так ей сказали. Несколько раз – *ты не могла знать*.

Рита переключила канал. На ТВЗ-2 показывали документальный фильм под названием “Экстремальная диета”. Она брезгливо глянула на женщину на экране и сразу вспомнила Глорию. Рита ни за что не получила бы место на кафедре, если бы не государственная реформа трудоустройства. Глории Эстер так и не удалось похудеть, а скорее всего, она даже не пыталась. Предложили кафедру – временно, разумеется... но можно ли представить, что Глория похудеет на полцентнера, вернется на кафедру литературоведения и потребует восстановить в должности? Вероятность подобного сюжета выражается таким количеством нулей перед единицей, что они уменьшаются в перспективе, как железнодорожные рельсы.

Бедная Глория. Нельзя не признать – толстуха читала лекции с таким увлечением, какое Рите даже не снилось. Немудрено, что студенты поскущели.

Последнее время Рита работала мало и неохотно. В столовой один из докторантов чуть не ткнул пальцем в ее салат:

– Консервированные кукурузные зерна – калорийная бомба. Чемпион среди овощей, уступают разве что авокадо. – И подчеркнул с нажимом: *чистый сахар*.

Непереваренные зерна потом вышли естественным путем, но с опозданием. Она прочитала в журнале, что даже если сразу после еды сунуть в рот два пальца – уже поздно, организм успевает урвать и переработать больше половины калорий. Ну нет, если хочешь держать свой вес в узде – никакого жульничества, никаких послаблений.

Она тренировалась почти три часа. Прогул на работе. Стыдно, конечно, но сейчас многие страдают кишечными заболеваниями. *Желудочная инфлюэнца*. Правда, заведующий робко упрекнул – почему не предупредила, могли бы найти замену.

Но чувство тревоги не оставляло. Она уже многим пожертвовала, чтобы иметь возможность тренироваться, а теперь еще и любимая работа. *Любимая? Или была любимой?*

Ровно четыре. Жадно схватила стакан с так называемым серебряным чаем. Полупроцентное молоко и стевия, того и другого по чайной ложке. И все равно, вода и есть вода. Кипяченая вода. Может, достать из морозильника несколько виноградин?

Не успела встать, появилась широко улыбающаяся физиономия доктора Стена. Во весь экран.

– Привет, домоседы, сегодня поговорим о новой диете. *Что* надо есть, *как* надо есть и *когда* надо есть.

– Мы получили брошюру от школьной медсестры. Виды хирургических вмешательств на желудке. Шунтирование, перевязка... и так далее.

– Но они же не практикуют весь этот бред на детях? – Ландон недоверчиво покачал головой.

– Еще как практикуют! Мало того – рекомендуют.

– Совсем спятили? Не может быть!

– А почему, позволь спросить, я привезла Молли сюда? – Хелена незаметно и естественно перешла на “ты”. – Как ты думаешь?

Ландон еще раз покачал головой, теперь почти обреченно. Пришел помогать *конопатить* окна, но засиделся...

– Один мальчонка из ее класса погиб. Прямо на операционном столе. А мне сказали, что если Молли не покажет “результат”, как они выразились, следующий шаг – операция. – Хелена развела руками. – И что мне оставалось делать?

– Да... я слышал, они мололи что-то насчет “снижения возрастных границ”. Но *восемилетки*?

– Для меня самая большая загадка – врачи. Почему они на это идут? Свезд спонсирует? Наверное, да. И весьма щедро. Институт питания владеет половиной Швеции.

– Не могу в это поверить.

– А ты не слышал его речь? Мораль вот такая: стань анорексиком или сдохни. – Хелена вздохнула и довольно долго молчала. – Я очень рада, что ты здесь, Ландон из Упсалы. Уже не помню, когда говорила с человеком, у которого в голове есть что-то еще, кроме таблиц калорий... – Допила остывший кофе и отставила чашку: – Ну что? Начнем конопатить?

– Боюсь, от меня мало пользы. Разве что постоять рядом.

– Больше пользы, чем от Молли. Ее хватает минут на пять, потом исчезает к своему “Калле Анка”.

– Вы держите в доме эти журнальчики? – Ландон огляделся.

– В большом ассортименте. – Хелена улыбнулась, встала и потерла руки. – Не мог бы ты сходить в подвал и принести рулон стекловаты? Только перчатки надень, она жжется. Лапки надо беречь.

Воздух в подвале сырой и застоявшийся, и темнота хоть глаз выколи. В нос ударил неприятный запах – скорее всего, где-то под полом сдохла мышь. Провел ладонью по стене рядом с наличником, нащупал выключатель – под потолком загорелась голая лампа. Десятки, если не сотни инструментов на крюках, в углу за лестницей старинный верстак. Два десятка разнообразных деревянных рубанков – очень старых, дерево посерело и пошло трещинами. Косые, фигурные, узкие, широкие – каждому не меньше ста лет. Попробовал один пальцем – наточен идеально, даром что антиквариат. Откуда-то выплыло слово: *зензубель*. На полках банки с потеками засохшей краски и разнообразные кисти.

В углу желтый пушистый рулон. Надел перчатки и заметил высокий, выкрашенный шаровой военной краской шкаф. Оружейный сейф. Значит, отец Хелены был еще и охотником... а может, и не он?

Разумеется.

У Молли, помимо матери, есть еще и отец.

Взял рулон стекловаты, поднялся на две ступеньки и остановился.

Хватит терять время. Надо идти домой и работать.

– Наконец-то! – воскликнула Хелена. – Я-то решила, тебя домовой утащил.

И опять. Опять эта улыбка... Можно задержаться на несколько минут.

– Я его победил. Короткая яростная схватка – и заслуженная победа.

– Повезло.

– Там столько всего, в подвале... Твой папа был столяр?

– Да. Работал на старой лесопилке в Харге. И я там подрабатывала на каникулах.

– А я решил, что ты медсестра.

– Потом – да. Потом медсестра. А вообще-то я столяр-краснодеревщик. По мебели. Папа меня всему научил. Думаю, был разочарован, когда я родилась. Наверняка хотел бы сына. Но пришлось смириться. Сам виноват.

– А почему бросила? Хорошая профессия.

– Долгая история. Потом как-нибудь. Передай угольник, пожалуйста.

Он растерянно огляделся:

– Угольник...

Хелена рассмеялась.

– Настоящий ученый, ничего не скажешь.

– Ясное дело... куда мне до деревенской плотницы! Надо на твои табуретки глянуть, наверняка кривые.

– Поосторожней. В доме всего один молоток, и он у меня в руке.

Ландон полчаса просидел перед чистой страницей *Word* и закрыл ноутбук. После проведенных с Хеленой утренних часов почему-то чувствовал себя уставшим. Отвык от социальной жизни. В последние годы в Упсале почти ни с кем не общался. У тех, кому удалось похудеть и сохранить работу, заметно испортился характер – еще бы не испортиться, если все время хочется есть. Голодающая Швеция Юхана Сверда стала куда более сварливой страной. Впрочем, и до реформ в путеводителях не часто встречались комплименты легкости шведского характера.

Рита... Первый год с Ритой был волшебным. Ему казалось, он не заслужил любви этой очень красивой девушки. Иногда просыпался по ночам и долго смотрел, как меняется во сне ее лицо.

После смерти отца Рита медленно и неотвратно заползала в раковину. Дотрагивался – вздрагивала. Тянулся к ней в постели – откатывалась на край, как от зачумленного...

Ландон пересел на диван – понял, что ни читать, ни писать не в состоянии. Включил телевизор – как всегда, программа за программой о похудении, тренинге, физическом совершенстве. Бывало, он работал над своими “Шведско-американскими отношениями” как одержимый, но после университетских реформ заметно охладел. Какой смысл? Сведенный к одной-единственной проблеме популизм выбил почву из-под науки. Какой смысл копаться в истории, какой смысл искать причины бед сегодняшнего дня во вчерашнем, если на повестке дня остался только один вопрос: как ты выглядишь?

Иногда все же не мог оторваться от забытого документального фильм о вьетнамской войне. Или погружался в чтение военного романа, написанного кем-то из американских коллег. Ему и самому часто хотелось придать истории вкус, запах и цвет, увидеть судьбы вымышленных героев за выцветшими строчками приказов и отчетов. Финансирование научных проектов резко сократилось, половина сотрудников уволилась. У Ландона каждый раз холодело в желудке, когда он брал почту в своей ячейке.

На ТВЗ начались новости. Диктор бодро рассказал о национальном регистре веса, предложенном Юханом Свердом. Потом появился пресс-секретарь Сверда, он объяснил: регистр обеспечит ускорение региональных проектов по оздоровлению нации. Как именно – Ландон не понял. И угрюмо предположил, что вряд ли поймет, даже если постарается.

Оратор закончил речь эффектной библейской аллюзией: “*не проповедуй спасемому*”.

– Но ведь избиратели могут неверно понять регистрацию? Посчитать, что это ущемление их прав? – осторожно спросил репортер.

– Ни в коем случае! Никто никого не заставляет. Мы проводим реформу в интересах народа. Отдельные индивиды могут, разумеется, держаться в стороне, но это обойдется им дороже.

Ландон собрался переключить канал, но тут пресс-секретарь исчез и на экран выплыло прекрасное лицо Юхана Сверда.

– Эпидемия ожирения – бомба замедленного действия. Швеция нуждается в незамедлительных мерах, чтобы предотвратить катастрофу подобного масштаба. Кому-то наши методы могут показаться чрезмерными, но для выхода из экстраординарной ситуации требуются экстраординарные решения, новое, более совершенное оружие.

– Звучит так, будто мы собрались на войну, – вставил интервьюер.

– Я как раз это и имею в виду. Мы должны действовать, как на войне. Эпидемия ожирения – не обычная эпидемия, она угрожает всем общественным институтам. Для отдельного человека – угроза физическому и психическому здоровью. Для нации – угроза экономике. Больная страна неконкурентоспособна. Больная страна не может работать на том же уровне, с той же отдачей, как страна здоровая. Даже объяснять не надо: валяющаяся на диване Швеция с сотнями тысяч ожиревших людей – как нас называть? Страна-инвалид. Как наращивать производство, если налоговые средства уходят на лечение толстых, малоподвижных, недееспособных людей? Мы гонимся за собственным хвостом, что, как известно, успеха не приносит. Теряем рабочие места, покупательная способность снижается. И заметьте, я не говорю про какой-то чересчур пессимистический сценарий. Не стараюсь никого запугать. Я говорю о том, что происходит в стране сегодня и сейчас.

– Вы называете ожирение эпидемией. Но если ожирение – болезнь, почему многие люди с избыточным весом не считают себя больными? Как вы можете это объяснить?

– Что здесь объяснять? Разве все алкоголики понимают, что они алкоголики? Ожирение – тяжелая болезнь. Представьте, что вы ежедневно, с утра до ночи, носите на себе мешок с камнями. Организм не может справиться с таким весом. Болезнь, болезнь. Болезнь для человека и болезнь для нации. Мы все видели длинные списки заболеваний. Вы задали риторический вопрос, но я не думаю, чтобы кто-то сомневался: избыточный вес – серьезная медицинская проблема. Целое поколение вымирает. Мы видим пятилетних детей с диабетом, мы видим подростков с сердечно-сосудистыми заболеваниями. Совершенно здоровые люди едят слишком много, они добровольно загоняют себя в болезнь.

– Добровольно? Вы считаете это вопросом выбора?

– Это *должно* стать вопросом выбора! Если общество не дает тебе возможности сделать правильный выбор, надо изменить общество. Это главное. Это то, о чем я говорю постоянно. Ничего плохого в людях нет, все люди как люди, вопрос в том, есть у них возможность изменить свою жизнь к лучшему или нет. Есть ли у них, как вы правильно назвали, выбор. Именно поэтому Партия Здоровья делает ставку на государственную поддержку. Это единственный способ решения. Посмотрите на Соединенные Штаты. Если государство субсидирует производство кукурузы, а не, к примеру, яблок, то яблочный напиток, сделанный на кукурузном сиропе, обойдется производителю куда дешевле, чем чистый, натуральный яблочный сок. А как поступает обычный потребитель? Покупает то, что дешевле. Одна из причин, но не единственная. Когда отсутствует четкая государственная программа, когда государство смотрит сквозь пальцы на недобросовестную, но привлекательную упаковку вреднейших продуктов, потребитель неизбежно попадает в эту ловушку. Покупает то, что дешевле, что лучше разрекламировано, что ярче и привлекательней. Потребитель беззащитен. Покупатель – это главное, кричат нам со всех сторон, но покупатель, по сути, жертва. Выбирайте: пончики с вареньем или с шоколадом? Вы выбираете между чумой и холерой. Третьего не дано, ваш свободный выбор – иллюзия, не более того.

– Вы сами прожили много лет в Нью-Йорке...

– Вот именно! Там-то у меня и открылись глаза. Толстый американец – это же почти клише. Поначалу кажется – как здорово! Америка! Гигантская, процветающая страна! А когда помотришь вблизи, восторги испаряются. Слоновые порции, круглосуточный фастфуд, почти неузнаваемые, тонущие в масле исходные продукты. Майонез, сыр, глазурь, сироп – вот и весь выбор. В Швеции, думаю, в каждой семье есть кофеварка. Это нормально. А в Америке вместо кофеварки – фритюрница. И вот вам результат. Эпидемия ожирения держит за горло всю страну, уже давно. Дети больны. У юношей нет будущего... Когда я вернулся домой, понял: нам грозит та же участь. Половина населения с лишним весом нетрудоспособна, но это не всё. Вы и сами замечаете, как меняется наша культура. Медленно, но верно. Мы едим хуже, больше и чаще. Соответственно, и чувствуем себя все хуже.

– Но все же, думаю, с Америкой сравнивать нельзя. Мы говорим о ста пятидесяти миллионах американцев с лишним весом... а в Швеции? Сколько их? Миллион, полмиллиона?

– Давайте посмотрим по-другому. Больные с ожирением стоят государству пятнадцать миллиардов крон. Нет, не вообще, я не беру более тонкие показатели. Только лечение. Пятнадцать миллиардов! А если брать больничные листы, если учитывать невыполненную работу, то и все тридцать пять. Миллион шведов страдают избыточным весом. Миллион! А скорее всего, даже больше. Пока не удавалось создать надежную систему классификации, и мы не знаем, о ком идет речь и где этих людей искать. Именно для этого и предложено ввести национальный регистр. Наконец-то мы сможем расставить приоритеты.

– Программа вашей партии довольно, как бы сказать... монотонна. Один-единственный вопрос. Обычно такие партии не очень успешны. Даже, я бы сказал, очень неуспешны. Что отличает вашу партию, почему вы рассчитываете на поддержку избирателей?

Юхан Свд откинул со лба волосы.

– Вы знаете, что чувствует человек, когда он по-настоящему болен? Когда он чуть не без сознания от жара? Когда он часами не может сойти с унитаза? Когда ему кажется, что он вот-вот умрет? Думаю, вам знакомо это чувство.

Интервьюер расплылся в улыбке.

– Да... знакомо.

– Вот именно. И что человек думает в такие моменты? А вот что: я готов отдать все что угодно, лишь бы выздороветь. Не так ли? Все остальное неважно, лишь бы опять стать здоровым.

Журналист выжидательно кивнул.

– Здоровье важнее всего. Об этом знают все. Кто думает о семейных проблемах при температуре сорок? Кто вспомнит, что забыл послать рождественскую открытку тетюшке Гуннель? Кто пойдет на родительское собрание, когда у ребенка дизентерия? Образование, культура, безработица, коллективный транспорт – все это важно, да. Но только если мы здоровы. Все, абсолютно все зависит от того, здоровы мы или больны. И мы вовсе не “партия одного-единственного вопроса”, как вы выразились. Наоборот, мы *единственная партия*, которая сконцентрировалась на самой главной проблеме страны, а здесь вопросов не один, а целый букет. Мы имеем дело с неконтролируемой эпидемией. Швеция на пороге гибели. Я же уже объяснил на примере больного: главное – выздороветь. Все остальное неважно. Вернее, менее важно.

– Но разве здоровье – не частная проблема? Нас учили, что человек волен распоряжаться своей жизнью.

– А образование моих детей – тоже частная проблема? Школа пусть даже не суется – такова ваша логика? А десяток мрачных питбулей во дворе, от которых шарахаются соседи, – тоже моя частная проблема? Зачем тогда сортировать мусор, переходить на возобновляемое топливо? У нас нет исключительно частных проблем, потому что мы живем *все вместе*, в одном обществе. Мало того, мы оказываем друг на друга и экономическое влияние. Деньги, которые выплачивают вашему соседу по больничному листу, – это ваши деньги, вы платите их в виде налогов. Да, как вы себя чувствуете, хорошо или так себе, – это, пожалуй, ваша частная проблема. А как ваше самочувствие влияет на других – проблема в высшей степени общественная.

– Кто-то говорит о социалистическом уклоне вашей партии. А другие, наоборот, обвиняют вас в экстремизме прямо противоположного свойства – в отсутствии толерантности к слабым, к людям, не по своей воле живущим на пособиях. Что скажете? На какой ноге вы стоите, на левой или на правой?

– Мы сознательно решили не позиционировать себя по этой классической схеме. Левый, правый... мы готовы сотрудничать с кем угодно, с красными, зелеными, коричневыми, синими в крапинку, лишь бы это сотрудничество шло в русле наших проектов. Партия Здоровья ведет политику, направленную на улучшение здоровья и частных лиц, и предприятий, короче – всего

общества. У нас сильное правительство, мы поддерживаем заботу людей о своей форме. И государственные, и коммунальные мероприятия направлены на то, чтобы каждому члену общества были доступны меры, помогающие поддерживать вес на приемлемом уровне. Мы стараемся, чтобы школы подобающим образом заботились о здоровье учеников. На первой стадии путем временных, но необходимых реформ, а в дальнейшем путем контроля за эффективностью. Мы оплачиваем вакцины против ожирения, мы выдаем бесплатные лекарства для групп риска.

– Групп риска?

– Ну да. Для тех, чей вес превышает установленные нормы.

– И опять возникает вопрос о толерантности. Вам наверняка приходится отвечать тем, кто утверждает, что ваши программы способствуют предрассудкам и нетерпимости в обществе. Разве ваша политика не приводит к стигматизации тех, кто и так уже стигматизирован?

– Наша цель – не осудить, а помочь. Все знают – сбросить вес не так-то просто. В одиночку с этим справиться почти невозможно. И уж совсем невозможно, когда вашему желанию похудеть противится сама система. Это и есть наша цель – изменить систему.

– Ваша партия победила на выборах в риксдаг. И возможно, победит опять. Скажите, был ли для вас неожиданным такой успех?

– Нет, не был. Что тут удивительного? Страна готова к переменам. Это очевидно. Шведский народ устал от пустых обещаний. Мы хотим вернуть назад страну, которой мы по праву гордились. Мы хотим, наконец, поднять ее с колен и увидеть здоровую, сильную Швецию.

Лысею.

Слово не выходит из головы. В решетке для слива уже не отдельные волоски, а целые пряди. Рана от плетки фитнес-тренера заживает медленно, пальцы словно ватные, чувствительность заметно ухудшилась.

Рита потрясла руками и вслух произнесла:

– Проснись же!

На подлокотнике дивана завибрировал мобильник. Скорее всего, мать – но она просто не в силах с ней разговаривать. Или кто-то с работы... и так известно, что они скажут. *Как дела, Рита? Как ты себя чувствуешь?*

А мать, Моника, наверняка опять собралась приехать из Сундсвалля. *Мы уже полгода не виделись! Что у тебя за секреты?*

Исключено. Мать начнет настаивать, чтоб она пошла к врачу. Как и Ландон. *Рита, ты должна чем-то питаться. Постарайся себя заставить.*

Она опять потрясла кистями рук, попыталась восстановить кровообращение в предплечьях. Руки онемели до локтя. Иногда кажется, она слышит, как жужжат затекшие мышцы. Хотела спросить врача – почему? Почему все тело колет, будто ты его отсидела? Нельзя же отсидеть все тело? Хотела спросить – и не решилась. Боялась, что врач отменит курс.

Уже несколько недель она не появляется на работе. Никаких контактов ни с кем, если не считать электронные сообщения с кафедры и звонки матери. Вчера набрала было номер Ландона, потянулась пальцем к зеленому символу на трубке, но тут же отдернула.

Взяла книгу и отлистала несколько страниц назад. Уже и читать трудно, слова расплываются.

Закрыла глаза, почти сразу открыла и растерянно уставилась на темное окно. Уже вечер... неужели она заснула? Подошла к окну, растопырила ладонь и положила на стекло. В слабом свете уличного фонаря пальцы казались прозрачными. Расслоившиеся, потрескавшиеся ногти.

Внезапно поняла – очень замерзла.

Чай. Надо выпить чашку горячего чая – решила и не двинулась с места.

Ландон и Хелена сидели на цветастом диване в доме Эдварда. Диван поставлен спинкой к центру комнаты. Это идея Молли (“Если нельзя смотреть телик, лучше вообще его не видеть”). Ландон согласился. Мораторий на ТВ ввела Хелена, когда заметила, что дочь без отрыва смотрит детскую программу “Спорт или торг”. Гигантский, еле помещающийся на экране жираф учил детей противостоять соблазнам.

Хелена вытащила кабель из розетки и накрыла телевизор простыней. Молли и так уже прошла курс анорексии для начальных классов в школе в Йиму. Так называемый А-курс. И теперь у нее не было ни малейшего желания продолжать образование дочери под недреманным оком Партии Здоровья. Хотела вообще выбросить телевизор. Но Ландон возразил: новости все же надо иногда смотреть хоть одним глазком – а вдруг началась мировая война?

Ландон посмотрел в окно – ничего не видно, кроме бликов ламп на стеклах. Хорошо было бы сразу после заката выйти в сад, понаблюдать, как шмыгают в наступающих сумерках тени лис. Покосился на Хелену – та сидела ближе к камину, щеки покраснелись от жара.

– Кофе хочешь?

Странное чувство – будто его застали за каким-то непристойным занятием.

– С удовольствием... но только если и ты будешь. Нечего ради меня беспокоиться.

– Может, и нечего, – она улыбнулась и встала, – но раз уж я поставила кофеварку, придется пить. Поставила и забыла.

Он не пошел помогать – остался на диване и попытался собраться с мыслями. Сколько уже прошло дней? Несколько... много. Не написано ни единой строчки. План уехать в деревню и сосредоточенно работать провалился с треском.

– Молоко?

– Да, пожалуйста... – Он принял чашку и покачал головой, извиняясь. – Надо было помочь...

– Глупости! Ты все же гость... пока.

Пока? Что она хочет сказать? Чтобы скрыть смущение, отхлебнул кофе.

– Прекрасно. Очень хороший кофе.

Она присела рядом. Две верхние пуговицы на блузке расстегнуты, а на груди ткань натянута так, что и третья вот-вот оторвется.

Что-то в ней такое... он поискал слово. *Магнетическое*. С каждым днем становится все труднее поступить, как задумал – сесть за руль и уехать в Упсалу.

Ландон поставил чашку и мотнул головой в сторону темного окна:

– Мне кажется, я видел кошку. Там, на опушке. А может, заяц.

– Только не говори Молли. Услышит – начнутся поиски. Кошку! Ты с ума сошел.

– А почему бы тебе не взять котенка? Она же ни о чем другом не говорит.

– Не хочу, чтобы она думала, будто любое ее желание закон. – Хелена подняла чашку и пожала плечами: – Впрочем, если мы решим остаться, почему бы нет. Мышей на десять кошек хватит.

– Тогда скажи, что не будешь ставить мышеловки.

Накануне он принес из дому пару мышеловок-капканов. Молли побледнела и пришла в ужас. Хелена тоже посмотрела с отвращением.

– Даже и не собиралась. Орудие пытки. Ну нет. Хочешь кого-то убить, должна быть веская причина. Мышонок в шкафу – еще не повод хвататься за оружие.

– А мне-то казалось... деревенские не такие чувствительные. А как же свежая поросятина на Рождество? Или кролик на праздник Лета?

– Деревенские? – Хелена рассмеялась. – А ты? Веган, должно быть?

– Нет, но... Ненавижу охоту.

– Знаешь, если будет нечего жрать, я подстрелю косулю на жаркое. Никаких угрызений, если ты это имеешь в виду. Но если дома есть паста, позволю косуле сожрать всю петрушку в саду и буду есть пасту. К тому же мыши маленькие. Какое от них мясо?

– Значит, ты еще и охотница? Там, в подвале, оружейный сейф – твой? Я думал – отца.

– А почему бы и не мой?

– Ну, ты не выглядишь чересчур кровожадной.

– Внешность обманчива.

Ландон через силу улыбнулся, отпил кофе и подошел к окну. Провел пальцем по наличнику – иней. Это окно тоже надо... как она выразилась? Конопатить? Холода наступили внезапно, хотя приближение зимы ощущалось еще в октябре. Или это был ноябрь? Он не проверял электронную почту недели две. На кафедре, должно быть, недоумевают. Никто не против работы на дому, но есть же границы.

– И муж тоже.

– Что? – Он оторопел. Видно, задумался и что-то пропустил в разговоре.

– Муж тоже охотился. Вернее, собирался начать.

– Твой муж? – понимающе, но осторожно спросил Ландон.

– Микке. Отец Молли.

– Вот оно что...

– К этому старому ружью давным-давно никто не прикасался. Но оно в хорошем состоянии. Папа следил, чистил, смазывал... на том все и кончалось. Последние годы отец не охотился.

– А твой муж куда подевался?

– Долгая история.

– Я никуда не тороплюсь.

Она улыбнулась.

– Тогда терпи. Когда лесопилку закрыли, папа пристроил меня в мебельную мастерскую в Эстхаммаре. Нормально вообще-то, но не так, как в Харге. Я только что окончила гимназию. Все мои одноклассники двинули учиться – кто в Упсалу, кто в Стокгольм. А мне надоела зубрежка. Встретила Микке – мне было восемнадцать, ему двадцать. У его родителей был летний домик в Грисслехамне, и вот там, в Грисслехамне, мы и встретились. На Празднике лета. Очаровал он меня мгновенно: *“Твои глаза как звезды, твои губы как бутоны розы”*. Ну и так далее, сам знаешь. Я к такому не привыкла. Здешний народ словом не обмолвится, разве что после пары кружек пива... нет, пары будет мало.

Хелена задумалась, медленно отхлебнула кофе и продолжила:

– Для меня это был шанс уехать. Нет, не только, и влюблена была, само собой, по уши. И только представь выбор: уехать или торчать всю жизнь в Эстхаммаре. Я уехала к Микке в Стокгольм, в Юханнесхув. Начала учиться на медсестру – в таком городе, как Стокгольм, столярной работы днем с огнем не сыскать. Потом забеременела...

Она опять замолчала. Видно было, что мысли где-то далеко.

– Никогда не хотела жить в Стокгольме. Все время тянуло на природу. Чтобы Молли жила так же счастливо, как я в детстве. Но для Микки деревенская жизнь – пугало.

– И что случилось?

– Что случилось? Мы подняли лапки. Он – Стокгольм, я – деревня, я – деревня, он – Стокгольм... Даже и ссориться на эту тему перестали. Я работала в ночь, а днем сидела с Молли. Так долго не выдержишь. А потом один zdeшний парень подсказал: в Йиму продается таунхаус, недорого. И поликлиника есть. Что ж... не совсем деревня, но все-таки и не Стокгольм. И отец близко, на выходные ездила к нему. Сюда, на Каварё. Помогала чем могла.

Ландон не знал, что сказать. Продemonстрировать понимание? Посочувствовать или, наоборот, порадоваться? Какая бурная жизнь... А чем он сам занимался в эти годы? Поступил в университет, остался в университете.

– А он? Отец Молли?

– Погиб.

– Что?!

– Сразу после того, как я уехала... Я еще распаковать коробки не успела. Позвонили из больницы. Автокатастрофа. Ехал из Чисты и свернул прямо перед носом грузовика. Иногда думаю – хорошо, что Молли тогда ничего не понимала. А иногда... наверное, она хотела бы иметь отца.

Наступило долгое молчание. Ландону вдруг захотелось рассказать о своем настоящем отце, но что-то остановило. Вместо этого глотнул остывший кофе.

– Теперь твоя очередь.

– Мне особо нечего рассказать. Поступил в университет, окончил, остался на кафедре. И замолчал.

Она посмотрела на него скептически:

– И?

– Что “и”?

– Если у тебя нет прошлого, может, есть будущее? Или так и будет продолжаться? “Остался на кафедре”. Остался или остановился? Так и будешь стоять?

– Думаю, да. Так и буду.

– Что ж... неплохая привычка – оставаться.

Он не сразу сообразил, что она имеет в виду.

– Я... к сожалению... у меня пятнадцать дипломников...

Хелена взяла у него пустую чашку и поставила на поднос. Многозначительно посмотрела на часы. И как истолковать этот взгляд? Наверное, намекает – пора и честь знать.

– Пора идти...

– Если хочешь.

Прядь волос упала на грудь, как раз туда, где третья пуговка отчаянно боролась за свободу. Какая красивая женщина... не просто красивая. Магнит. Сила притяжения – как в каком-нибудь адронном коллайдере.

Он резко встал, постарался стряхнуть колдовство.

– Мне надо прочитать дипломную работу. Целыми днями ничего не делаю.

Хелена тоже встала. Молча. Ландон сделал попытку встретиться с ней глазами, но она уже направилась в кухню. Остановилась в дверном проеме и повернулась:

– Завтра наколешь дров.

– А что-нибудь попривлекательней?

– Блинчики?

Он с облегчением расплылся в улыбке.

– Договорились.

Не успел Ландон взяться за работу, заверещал телефон. Посмотрел на дисплей, и ёкнуло сердце.

– Рита?

– Прости... – Сухой, шелестящий шепот. – Прости, что звоню.

– Да что ты...

– Посылала мейл, но... – Говорит так тихо, что приходится напрягаться. – Но ты не ответил.

– Я на Каварё.

– О-о-о...

Он похолодел – так много вместились в это протяжное, тоскливое “о-о-о”. Скрипучая узкая кровать, Рита на газоне в ночном белье и резиновых сапогах... сцены из прошлой жизни, которые он изо всех сил старался забыть.

Забыть!

– Я здесь временно... – с усилием произнес Ландон. – Надо кое-что написать.

Она не ответила.

– Как ты? Что-то случилось?

– Не знаю. – Она с таким трудом произносила эти короткие фразы, что Ландон почти не узнавал голос. – Может быть... Не знаю.

Он поднял голову и скользнул взглядом по книжной полке. Зачем она позвонила? Мало-душно пожалел, что даже в этом богом забытом месте исправно функционирует телефон.

– Что я могу для тебя сделать? Позвонить кому-то? Ты говорила с матерью?

Молчание.

– Рита?

– Нет... ничего. Просто я очень устала.

Уж не наглоталась ли она каких-нибудь таблеток?

– Я так устала... – повторила Рита затравленно и всхлипнула.

– Рита, все обойдется. Не плачь.

– Прости... не надо было звонить.

– Почему не надо? Правильно сделала. Как я тебе могу помочь? Хочешь, чтобы я приехал?

Молчание.

– Рита?

– Прости. Ерунда... Мне очень одиноко.

– Ты ела что-нибудь?

Сколько раз он задавал ей этот вопрос? Тысячу? Десять тысяч?

Она бессильно откашлялась.

– Если я тебе нужен, приеду.

Когда он видел ее в последний раз, чуть не потерял сознание. Восковая кожа, угловатые, торчащие скулы, бедра такие узкие, что вот-вот отвалятся ноги.

– Рита?

– Я кладу трубку.

– Ты уверена, что справишься?

– Прости... не надо было звонить.

– Звони в любой момент. Если вдруг станет хуже – звони. Обязательно. Немедленно!

Неопределенное мычание.

– Обещай!

Телефон пикнул. Он посмотрел на дисплей – повесила трубку.

Опустился на диван в полной растерянности.

Рита ни за что бы не позвонила, если бы не произошла какая-то катастрофа. Но что делать? Ехать к ней? Несколько часов по ночной дороге, к тому же никакой уверенности, что она откроет дверь.

Мне очень одиноко...

Сколько раз он пытался ее спасти? И каждый раз она отвергала его помощь.

Он предложил приехать, она сказала – нет. Не приезжай.

Ландон попытался вспомнить разговор.

Она сказала – нет. Сказала ли?

Неестественно белое небо. Пробили колокола на Кафедральном соборе... или показались? Может быть, птицы? Грудь по-прежнему давит, а утром наконец прорвало кишечник. Жуткий, профузный понос. Откуда? Она же в последний раз ела... когда? Неделю назад? Две?

Точно – никакие не колокола. Птицы. Тысячи птиц.

Галки.

День поступления в университет – тогда они тоже кружили стаями вокруг колокольной, черные стремительные тени на фоне розовеющего неба. Что она тогда думала? *Теперь все начинается* – вот что она тогда думала. Было совершенно ясно – предстоит новая жизнь. Мать уехала в Сундсвалль. *Ты теперь взрослая, материнский присмотр тебе больше не нужен*, сказала Моника на вокзале. В руках у Риты были ключи от студенческой квартиры на Санкт Улофсгатан. На верхнем этаже, без лифта. Рита обожала эту квартиру – все в ней принадлежало ей и только ей.

Встретила Ландона, и они жили, как ей казалось, счастливо. А потом умер отец...

Стало тяжело дышать.

Рита опять посмотрела на небо. По-прежнему белое, совсем не такое теплое, как в то давнее утро. Тело словно онемело. Время от времени поглядывала на телефон. Не надо было звонить Ландону. Очевидно, что ему было некомфортно, наверное, она помешала. Хотела попросить приехать, но когда он спросил, ела ли она...

С ума они, что ли, сошли, эти галки? Подошла поближе к окну. Пустое, безжизненное небо. Где они, эти крикливые птицы?

Зачесалась рука. Сухая, раздраженная кожа, и ногти... похожи на рыбью чешую, вот на что они похожи, эти ногти. Надо бы смазать увлажняющим кремом. Давно это не делала, но крем в ванной. А она так устала... немного отдохнуть, и все наладится. Она повернулась и вздрогнула от резкой боли в животе.

Хелена пошла взять утреннюю газету в халате на голое тело и мгновенно замерзла. Вернулась и опять залезла под одеяло – единственно правильное решение. Надо согреться.

МЕНЬШЕ СВИНИНЫ НАРОДУ!

ЕВРОСОЮЗ ПОДДЕРЖАЛ ШВЕДСКУЮ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННУЮ РЕФОРМУ!

ВСЯКОЕ ПРАВИЛО ИМЕЕТ ИСКЛЮЧЕНИЯ!

Крикливые рубрики на первой полосе.

Партия Здоровья решила ограничить предложение животных жиров. Обезвредить этих преступников, главных врагов в борьбе против ожирения. Производство мяса птицы остается на прежнем уровне. А производство свинины, как утверждает статья, в ближайшие пять лет следует уменьшить на семьдесят пять процентов. Сократить производство молока. В сочетании с новым налогом на импорт, который после долгих дебатов и с оговоркой “в порядке исключения” все же провели через Европейскую комиссию, эти меры должны привести к значительному уменьшению потребления жира населением. Ограниченное предложение свинины и жирных колбас должно сбалансировать провалившийся налог на сахар – так заявил корреспонденту министр сельского хозяйства. “Если мы затянем этот пояс, – сказал министр, – у шведов появятся хорошие условия затянуть собственные пояса и с удовольствием глянуть на себя в зеркало”.

Хелена вздохнула. Ландон прав – пора отказаться от подписки. В нынешней Швеции, в Швеции, управляемой Партией Здоровья, сказал он, хороших новостей не бывает. И опять та же мысль – мысль, которую она упорно гнала от себя все последнее время. Ей, конечно,

удалось убедить школьное руководство, что Молли в хороших руках, в частной реабилитационной клинике, но как долго это может продолжаться? И что будет, если Молли не появится в школе к началу второго полугодия? Закон об обязательном среднем образовании никто не отменял. Не дай бог, привлекут социальные службы.

Она услышала шорох шагов по гравию и замерла. Глупая затея – прятаться в Каварё. Это же дом ее отца... один щелчок мыши на сайте “Эниро”¹⁴ – и они уже тут.

Почему-то ее успокаивало сознание, что Ландон живет совсем недалеко. Но как с ним трудно... а может, просто осторожничает. Хелена была совершенно уверена – она ему нравится. То, как он на нее смотрит, легко истолкует любая женщина. Но каждый раз, когда возникала возможность близости, он словно прятался в раковину – быстро и даже судорожно, точно улитка от малейшего прикосновения. Зачем она настаивала, чтобы он пришел? Да еще и заманивала. “Блинчики”... фу, как стыдно.

Быстро сложила газету. Он же сказал, что придет, – и пришел.

Надо встать и замесить тесто.

– Нам придется купить поросенка.

– Что? – Хелена в изумлении отвернулась от плиты.

– Поросенка. – Ландон кивнул на газету. – Будем здесь, на Каварё, держать поросенка. Даже двух поросят. Или трех. Будут три поросенка. И корову. Мясо, молоко... выживем.

– Не знаю, удастся ли им протащить эту реформу. Чиновники в Брюсселе хотят сделать из Швеции подопытного кролика. Вполне возможно. А потом начнут морить голодом свои страны.

Она встряхнула сковородку. Блинчик тут же отлип и изящно соскользнул на блюдо. Добавила сливочное масло. Сковородка злорадно зашипела, и Хелена вылила очередную порцию теста. Оно тут же начало пузыриться.

Молли спустилась со второго этажа, увидела Ландона и просияла.

– Банановый наркофан пришел! Привет!

– И тебе привет. – Ландон улыбнулся. Детское словотворчество бывает неотразимым.

– А блинчики тоже с бананами?

– Ты руки помыла? – Хелена на секунду отвернулась от плиты.

– Помыла...

– Когда?

– Вчера!

Ландон расхохотался. Хелена завела глаза к небу и процитировала старую шутку:

– *Мам, а почему руки моют раз в неделю, а ноги – никогда?*

После завтрака они остались вдвоем за кухонным столом – Молли куда-то убежала. Ландон был необычно молчалив.

– Не знаю, как смогу уехать, – сказал он наконец.

Хелена сжала в руке вилку. На этот раз она не будет мешать, пусть выговорится.

– Словно угодил в какую-то пространственно-временную дыру... провал во времени. Пока я здесь, ничего другого в мире не происходит. Но стоит уехать... – Он вздохнул и покачал головой. – Стоит уехать, и... ну, ты сама знаешь. Реальность.

– А когда ты должен вернуться на работу?

– Сразу после Хеллоуина... то есть сегодня-завтра. Но вообще-то я должен был быть на кафедре две недели назад. Никак не могу просто сесть в машину и уехать.

– Не можешь? Или не хочешь?

– Догадайся...

¹⁴ Каталог адресов и телефонов.

– Так оставайся.

– Но это же невозможно!

– Тогда уезжай.

Он посмотрел на нее – как ей показалось, с отчаянием.

– Я не пойму... ты хочешь помочь или...

– Думаю, ты преувеличиваешь проблему. Всегда ведь можно съездить и вернуться. Это же Упсала, а не Сибирь.

– А ощущение, что Сибирь.

Наверное, не притворяется – и в самом деле мучается. А может, хотел сделать комплимент. Она кивнула на блюдо:

– И как? Будем драться за последний блинчик? Или будешь джентльменом?

– Лучше подраться, – натужно пошутил он.

Она улыбнулась.

– А ты хорошо представляешь, с кем имеешь дело?

За последние сутки Моника набирала номер Риты каждые полчаса. Что делать? Поначалу не особо беспокоилась – и раньше бывало. Не брала трубку, не отзывалась. У дочери бывали такие периоды. Но на этот-то раз – несколько недель!

И все из-за Леннарта, уж в этом-то Моника была уверена. Рита взвалила на себя вину за смерть отца. Тяжесть оказалась непосильной. Дочь очень изменилась. В больнице ей предлагали психотерапевта, но она отказалась – тогда у нее был Ландон.

Был и сплыл. Внезапно Ландон исчез. Моника так и не поняла, почему они разошлись. Рита утверждала: Ландон якобы препятствовал ее решимости похудеть. Ревновал, что она внезапно оказалась в центре внимания.

А Ландон не понимал Риту. *Как стена*, говорил он чуть не со слезами. *Не достучаться*.

Моника разделяла его отчаяние – сама не раз билась головой в эту стену. А теперь... они не виделись почти полгода. Предложила Рите оплатить дорогу, билеты на поезд, все что угодно, но каждый раз что-то мешало. Конференция. Надо срочно проверить студенческие курсы. В другой раз, мама.

Но “другого раза” так и не случилось.

Опять набрала номер Риты, облокотилась на подоконник и посмотрела во двор. Забыли постричь на зиму газон, но теперь уже неважно, все засыпано снегом. Собачка лает у двери, просится домой. Самая холодная осень за десятилетия. На севере встали поезда: пути засыпаны снегом.

И что? Собраться и поехать? Но она слишком хорошо знала дочь, та ненавидела подобные сюрпризы.

Моника постучала пальцами по стеклу с морозными звездами. Мысль, как Рита может отреагировать на ее неожиданный приезд, выводила из равновесия. Даже сердце начало биться учащенно.

Прошла в кухню, встала под вытяжкой и достала сигарету. Посмотрела на синие палочки-цифры на дисплее микроволновки. Без десяти десять. Рита наверняка дома.

Моника сказала себе, что ни в чем не виновата. Но тут же подумала: а может, наоборот – ее вина, только ее. Всегда готова согласиться, не вмешиваться. *Поступай, как считаешь нужным, девочка*. Что за жалкая уступчивость? Дочери нужно на что-то опереться, а тут на тебе пожалуйста: *делай, как считаешь нужным*. Теперь Моника себя проклинала: зачем она оставила Риту одну, когда та поступила в университет? Тогда это казалось правильным решением – мать Монике умерла, надо было позаботиться о доме... но зачем искать оправдания?

Все дело в Леннарте. Все из-за него. Монике было не вмоготу осознавать, что ее бывший муж слоняется в парке от скамейки к скамейке, как какой-нибудь бродяга. Не выдерживала,

бросалась на помощь, особенно когда он оставался в одиночестве. По праздникам, когда он лишался привычного алкогольного общества, – жалкое зрелище. Именно жалкое, в прямом смысле – ей было его очень жалко.

Моника гордилась своим решением подарить умной, способной и уже взрослой дочери свободу, оставить ее одну в Упсале. Истинное самопожертвование – с ее-то инстинктом помочь, подставить плечо, выручить. Разница между уважением к чужой частной жизни и наплевательством исчезающе мала – подобные мысли приходили в голову то и дело. И не было уверенности, чувствует ли Рита эту разницу.

Что в итоге? Получается, сначала ее бросил отец, а потом и мать. Ничего удивительного, если девочка воспринимает свою жизнь именно так: ее бросили.

Моника вздрогнула и вытерла набежавшую слезу. Наверное, от дыма. Нажала кнопку, в вытяжке глухо зажужжал вентилятор.

Предательство необязательно должно быть откровенным. Даже наоборот – на то оно и предательство, что происходит исподтишка. Ее собственная мать чуть не каждый день, пока Моника была в школе, рылась в дневниках, находила и выбрасывала сигареты. Читала секретные письма и записки от ее первого бойфренда. *Все начистоту, Моника! Все начистоту! Спокоен и счастлив только тот, кому нечего скрывать.*

Но Монике было что скрывать! Частную жизнь, мысли, тайны – все, что касалось только ее и никого больше. Еще в молодости она дала себе клятву: если у нее будет дочь, она предоставит ей свободу.

Потянулась за телефоном. Сигнал соединения. Второй. Третий... четвертый.

Решительно вдавила окурок в пепельницу. Надо спросить Элизабет, не возьмет ли та на пару дней собаку. Или всего на день, ведь можно сесть на утренний поезд и вернуться вечерним. Ничего особенного – узнать, как поживает дочь.

Взяла записную книжку с телефонами, начала листать и вдруг заметила записанный наискось чуть не через всю страницу номер.

ЛАНДОН 0704146828

Может быть, позвонить? А что скажет Рита?

Но Рите вовсе не обязательно знать.

Они расстались – ну и что? Работают в одном университете. Что ему мешает заглянуть к ней в кабинет, спросить, все ли в порядке? А не застанет на месте, так сядет на велосипед и докатит до Лютхагсэспланаден, постучит в дверь.

Надо только собраться с духом.

Моника села, выпрямила спину и набрала номер.

В слабом свете из окна кружили ленивые спирали снежинок. Хелена проводила его. Лесок казался неправдоподобно густым и черным.

Ландон наколот целый ворох поленьев. Получилось довольно ловко, хотя он никогда раньше этим не занимался; наверняка произвел впечатление.

Не только дров – и слов было сказано очень много. Перед уходом ему так захотелось ее поцеловать, что губы горели до сих пор. Что-то сегодня должно случиться. Он не верил в предчувствия, но совершенно ясно: что-то должно случиться.

– Спасибо за помощь, дровосек.

– А, ерунда, – довольно отмахнулся Ландон. – Там еще полно чурбаков.

– Ты вовсе не должен был их колоть. Я же пошутила.

– Знаешь, очень приятно в кои-то веки поработать руками. Моя работа... как бы выразиться... очень абстрактная, а главное, ее нельзя закончить. Вязанка дров, между прочим, иногда приносит куда большее удовлетворение, чем десять вязанок нанизанных друг на друга слов и предложений.

– В следующий раз поможешь именно со словами и предложениями. Я была бы плохой матерью, если бы не воспользовалась случаем заполучить бесплатного учителя для Молли.

– Молли очень развитая девочка. У нее огромный словарный запас для ее возраста.

– “Банановый наркофан”? – Хелена засмеялась. – И в самом деле огромный. Уникальный, можно сказать.

– Я совершенно объективен.

– Ну да, как же...

– Сомневаешься в моей научной объективности?

Не дойдя до крыльца, Хелена резко остановилась.

– Подойди поближе!

– Что?

– Подойди поближе, банан-наркоман!

Он шагнул к ней.

– Еще ближе!

Еще шаг.

– Ближе, ближе...

Несколько сантиметров до ее лица. Ландона охватила приятная дрожь.

– Научная объективность? – Хелена сделала шаг назад и расхохоталась. – Х-ха... вот и вся твоя научная объективность, доктор Томсон-Егер. Да уж... Всем объективностям объективность.

Он почувствовал, что краснеет. Слава богу, в темноте незаметно.

– Нечестный прием.

Она улыбнулась, и он шагнул к ней, собрался с духом, решил ее поцеловать, – и в эту секунду, именно в эту решающую секунду в кармане завибрировал мобильный телефон.

Часть вторая

Черный *BMW* свернул на Тегельбакен. Юхан Сверд посмотрел на залив – вода совершенно неподвижна. Как зеркало или расплавленный металл. В пронзительно-синем небе ослепительное весеннее солнце. Роскошный день.

Побывал в двух перестроенных церквях – в Мэрсте и в Соллентуне. Интенсивная работа продолжается уже год, посещаемость – выше всяких ожиданий. Так уверяют сотрудники. По всей стране происходит то же самое: ошеломляющий успех, ошарашенные и мало что понимающие священнослужители. Удивление, аплодисменты... и, наверное, он, Юхан Сверд, единственный, кто нимало не удивлен. Замысел безупречен с самого начала. В Швеции больше трех тысяч церквей. И если не брать в расчет Пасху, Рождество или какую-нибудь природную или техногенную катастрофу, к примеру затонувший паром “Эстония”, храмы так же пусты, как видеосалоны после появления *Netflix*. Три тысячи! Не считая домов приходских собраний. После посещения церкви в Вест-Стробёрн Юхан очень быстро сообразил, что к чему.

– Сначала в Розенбад?¹⁵ – не оборачиваясь, спросил водитель.

– Да. Сначала в Розенбад.

Он потянулся, кремовая кожа сиденья приятно скрипнула. Если бы не та церковь в Буффало, ничего бы не было. Он не сидел бы на заднем сиденье огромного, навороченного *BMW*-750. Всем, чего достиг, он обязан пастору О’Брайену. Собственно, надо бы посылать ему десятину премьерского жалованья.

Тогда, живя на Манхэттене, Юхан впервые услышал про Церковь Здоровья Роберта О’Брайена. Прочитал в “Нью-Йорк таймс” про энергичного радикального пастора – и загорелся как мальчишка. Типично для Америки. Американцам удалось превратить христианство в набор рекламных клипов – телевизионные проповедники не сходили с экранов. Но использовать веру как диетическое учение – это что-то новое. Подвернулась конференция в Буффало, и он не упустил случая заехать к О’Брайену.

Построенная в семидесятых баптистская церковь Вест Стробёрн давно нуждалась в ремонте. Интерьер напоминал кафе в каком-нибудь мотеле. Шахматный пол, деревянные скамьи, обтянутые синтетическим велюром, красные раскладные стульчики. На хорах четырехметровый Иисус.

Воскресное утро, еще и одиннадцать не пробило, но церковь битком. Корреспондент “Нью-Йорк таймс” не преувеличил: редкая церковь в наши дни пользуется подобной популярностью. Даже сверхпопулярностью, как ему показалось.

Чернокожая толстуха в обтягивающих необъятный зад вызывающе розовых брюках глянула на нового посетителя, ослепительно улыбнулась и похлопала по сиденью рядом – пригласила присесть. Причина улыбки понятна: во-первых, Юхан был чуть ли не на центнер легче, чем большинство прихожан, а во-вторых, что еще более удивительно, – середина лета, а он в пиджаке и при галстук. Немного смутился и присел рядом с веселой прихожанкой. Надо было заранее подумать, какой белой вороной он будет выглядеть. Одеться, что ли, по-другому... Эми права: он мог бы с таким же успехом приклеить на лоб бумажку с надписью “Европа”.

Настроение у публики было приподнятое, хотя служба еще не началась. А когда пастор О’Брайен поднялся на кафедру, тут уж началось настоящее ликование. Юхан присмотрелся – пастор оказался значительно моложе, чем он думал. Тяжелая челюсть и солдатский бобрик – победительный, очень американский образ. Анти-вуди-аллен. Атлет, к которому десятками липнут девушки из групп поддержки. Получает в колледже стипендию, потому что хорош в американском футболе. Чемпион. Такие поскорее женятся на фотомоделях и плодят кучу

¹⁵ Резиденция шведского правительства.

сыновей с врожденной склонностью к самоутверждению. Но Роберт О'Брайен не стал футбольной звездой, он выбрал карьеру *баптистского пастора*.

Уже через пять минут начались странности, о которых писала газета.

– Вы убиваете ваших детей! – внезапно воскликнул О'Брайен и сделал широкий жест рукой, красноречиво символизирующий закапывание детского праха в землю. – Вы убиваете их добавками и сладостями, которые они поглощают с утра до ночи. Вы убиваете их вашими фритюрницами! Признавайтесь – сколько раз за последнюю неделю ваши дети грызли куриные крылышки в галерее? Только честно! И с каким гарниром? С плавающей в масле картошкой?

Прихожане молитвенно сложили руки, дружно и горестно вздохнули. Но пастор был неумолим.

– Довольно *KFC*¹⁶ и *Mickie D*!¹⁷ Довольно, говорю я вам! Вы хоть когда-нибудь читаете газеты? Мы – самый жирный народ на планете! Если непонятно, повторяю: американцы – *самый жирный народ на всей планете*! И куда мы идем? Как вам нравится детский сад, где половина детей больна диабетом? Или вы приветствуете смерть юноши от инфаркта миокарда на первом курсе колледжа? *Пустите детей приходить ко Мне*¹⁸, сказал Иисус, а я говорю: *пустите детей жить*. Вы скажете: все от Бога. А я скажу: эпидемия ожирения не послана Богом, как другие эпидемии. Это вам не Всемирный потоп, который насылает Бог. Это не чума. Эпидемия ожирения – дело рук человеческих. Мы сами ее создали. Помните историю о Моисее и золотом тельце? Наш-то золотой телец с ног до головы покрыт не золотом, а сахарной глазурью. Мы купаемся в сырах и сливках. Мы по невежеству и убожеству своему думаем, что едим сыр и сливки, а на самом деле не мы, а они нас сжирают. Сжирают заживо! И не от Бога они – от дьявола. Слышите ли вы его? *Наслаждайся*, шипит враг рода человеческого. *Возьми еще немного. У меня еще есть*.

Пастор О'Брайен приложил руку к уху, словно бы вслушивался в соблазнительный шепот.

– Слышите? *Могут положить еще немного? Плюс-меню? Возьми с собой, не стесняйся*. Это глас нечистого, и мы должны найти в себе мужество противостоять его соблазнам. Мы должны неустанно учиться тому, чему Господь возжелал нас научить. Вот это вопрос: чему Он возжелал нас научить? Что главное в жизни? Контроль. Контроль, контроль, контроль. Я повторяю: кон-троль. *Кон-троль, кон-троль, кон-троль*. Я буду повторять и повторять, тысячу раз, десять тысяч раз, пока вы не придете в храм похудевшими вдвое. Самое малое – вдвое. И тогда вы начнете аплодировать. Вы встанете с ваших скамеек и будете аплодировать вашим новым телам. Нет, не телам. Знаете ли вы, чему вы будете аплодировать? Вы будете аплодировать жизни!

Пастор поднял руки, будто обращался непосредственно к Всевышнему, и с нажимом повторил:

– ЖИЗНИ!

– Жи-и-изни! – дружно взвыли прихожане.

– Что повелел Господь? Господь повелел нам следить за нашим телом, содержать его здоровым и чистым. Иисус говорил, что чистое и здоровое тело – само по себе духовный акт. Отложил вилку – духовный акт. Соседка угощает кексами – откажись. Тоже духовный акт. Откажись! *Я так старалась*, скажет она – поблагодари, но откажись.

Единственная молитва нужна нам, дети мои: Господи, помоги в воздержании. Помогите в трудах моих, ибо одного хочу – стать человеком. Помогите уговорить жену отказаться жевать чипсы или пирожные каждый вечер перед телевизором. Помогите заставить себя встать на бего-

¹⁶ *Kentucky Fried Chicken*, “Жареный цыпленок из Кентукки” – сеть ресторанов быстрого питания.

¹⁷ “Макдоналдс”.

¹⁸ Мк. 10:14.

вую дорожку, а не гнать на машине в ближайшую алкогольную лавку. Помогите детям моим, Господи! Помогите детям моим отказаться от соблазнов, которые дьявол выставляет перед ними.

– Аминь! Аминь! – единодушно выдохнули прихожане.

Юхан судорожно перевел дыхание. Он уже достаточно долго жил в США, знал и хорошие, и плохие стороны американского менталитета, но то, что говорил пастор, даже для него звучало сверхрадикально.

Пастор закончил проповедь и пригласил всех в дом приходского совета. Оказывается, Центр Здоровья, как он теперь назывался, открыт двадцать четыре часа в сутки. *Мы всегда открыты людям, как и Создатель*, прокомментировал О’Брайен. Здесь каждый день проводятся специальные курсы тренировок для детей и подростков. Тренировки называются “реабилитацией”.

Юхан Сверд был удивлен. Более того – потрясен. Риторика О’Брайена состояла из точных и перевранных цитат из Нового Завета и красочных описаний, даже с показом, как ликует дьявол, с салфеткой через руку подавая наивным то или иное блюдо. О’Брайен рассказывал, как пострадал Иисус, и тут же переходил к проблемам здоровья у прихожан. “Бычий горб” – так он называл жировые складки на загривке. Двойной или тройной подбородок – “хомячий зоб”. Тон его все больше становился агрессивным, даже угрожающим.

– Я служу куда больше панихид, чем когда бы то ни было. Число совсем юных людей, похороненных на нашем скромном погосте, скоро станет трехзначным. Вот что вас ждет! И я не преувеличиваю: *девяносто процентов смертных случаев можно было бы избежать*.

В своеобразной теологии пастора О’Брайена голодание чуть ли не приравнивалось к спасению души.

– Чем меньше ты ешь, тем больше радуется Господь наш. Каждый сброшенный килограмм приближает нас к вечному блаженству. Врата рая предназначены для одного. *А если ты вдвое или втрое толще, тебе ни за что туда не пролезть*.

После проповеди Юхан пошел к машине. Его обогнали двое подростков, они шумно спорили, в какой бар пойти есть мороженое. Очевидно, проповедь убедила не всех.

Голова кружилась. Он и раньше бывал в американских церквях – из-за Эми, она испытывала слабость ко всему духовному, – но никогда не видел ничего подобного. Даже в церквях, в этих крепостях религии, христианство заметно теряло силу. Но пастор О’Брайен нащупал нечто великое, куда значительнее, чем Библия.

Вера за последние сто лет окончательно выхолощена. И есть только одна сила, способная объединить все слои общества.

Забота о здоровье.

У Юхана не было сомнений в добрых намерениях пастора О’Брайена. Он старался высечь искру понимания у нации, готовой обожраться насмерть. Само по себе – благое намерение, никаких сомнений. Но в новом тысячелетии возникло нечто новое. Стало возможным поставить знак равенства между здоровьем и экономикой. В современном обществе в девяносто девяти случаях из ста речь идет о деньгах, и пастор постарался это использовать.

В годовом обороте диетологии только в Штатах – миллиарды долларов. Подростки стараются похудеть, чтобы понравиться своим первым девушкам, двадцатипятилетние красотки садятся на диету, чтобы найти подходящего мужа. Тридцатипятилетние дамы готовы потратить чуть не все детское пособие, чтобы сбросить набранные во время беременности фунты. В домах престарелых полно стариков и старух, заботящихся о своей талии. Еще никогда в истории вес не играл такой роли, и никогда сам процесс еды не обрастал такой сложной комбинацией комплексов. Это можно – это нельзя. Это вкусно, но берегитесь: калорийная бомба.

Нет, что-то подобное церкви О'Брайена в Швеции даже представить невозможно. Шведы народ не особо религиозный, а уж в главный козырь евангелистов – в дьявола, соблазняющего людей копчеными свиными ножками, – ни за что не поверят.

Однако идея пастора О'Брайена выходит далеко за пределы церкви. Если не получается объединить страну верой, почему бы не попробовать объединить ее *здоровьем*?

Он расплылся в улыбке. Гениально! Идея столетия.

Юхан выехал на шоссе и до отказа придавил педаль газа. Впервые за много месяцев он думал не об Эми. Он думал о своей родине. О Швеции.

И вот пожалуйста – десять лет спустя водитель остановил сверкающий представительский автомобиль у Розенбада. Юхан тряхнул головой: в ушах пульсировало восторженное “аминь” в баптистской церкви.

– Ждать здесь, как обычно?

Юхан кивнул:

– Да, спасибо. Будет замечательно.

Вышел, взял с сиденья портфель и одернул пиджак.

К машине подбежала женщина. Она широко улыбалась, но заметно нервничала.

– Господин первый министр! Мне бы хотелось... – И протянула ему белый гляцевый пакет с большими серебристыми буквами: *AirFood*.

– Наш новый продукт. Это вам. Сувенир от фирмы.

Он заглянул в пакет. Там лежали картонные коробочки с надписями: “Воздушные крендельки”, “Воздушные леденцы с лакрицей”. Поднял глаза на женщину:

– Намек? Мне надо сбросить несколько кило?

Женщина густо покраснела и опустила голову.

– Ну что вы... нет, конечно. Разумеется, нет.

Юхан погладил ее по руке:

– Я пошутил. Все в порядке, спасибо.

Почему люди смущаются в его присутствии? Он много раз задавал себе этот вопрос, но ответа не нашел. Открыл массивную дверь и оглянулся. Женщина так и стояла на тротуаре с опущенной головой.

Глория Эстер выключила телевизор: утренние новости закончились. Ольга Джеймс. Все эти жуткие месяцы после того, как она нашла предупреждение в свой почтовой ячейке в университете, она смотрела ее передачу несколько раз в неделю. Как-то вечером последовала ее совету и сварила кочан салата айсберг. “Роскошный ужин”, – кудахтала Ольга Джеймс, доставая из кастрюли слизистый ком. Глория по другую сторону экрана молча проделала то же самое и начала исправно жевать безвкусную массу.

Вареный салат... она даже купила две упаковки *AirFood*: воздух со вкусом арахиса, воздух со вкусом шоколада. И ни за какие деньги не призналась бы, сколько раз принималась читать и перечитывать брошюры *нутриционистов*, как теперь назывались диетологи. Названия брошюр разные, но все сводятся к одному.

А ТЫ ГОТОВ ИЗМЕНИТЬ СВОЮ ЖИЗНЬ?

Как-то ночью Глория проснулась и смела все, что было на полках. Бутербродные вафли, полбатона хлеба, мороженые десерты.

Дежавю из ада. Она переходила от шкафчика к шкафчику, как берсерк, как разъяренная медведица, разбуженная посреди зимней спячки.

На следующий день освободила свой кабинет в университете, приехала домой в квартиру на Эландсгатан и ревела так, что веки налились кровью. Несколько недель после этого обходила сваленные в прихожей картонные коробки с ощущением нереальности происходящего. Десятилетия работы... и где взять полки, чтобы все это вместить?

Глория очень любила свою съемную квартиру в Упсале. Прогулки по Каролинскому холму по утрам. Упертые, уже все знакомые, велосипедисты, упорно не желающие признать приход зимы с холодом и снегами. А теперь переехала в Стокгольм, и в ее памяти произошла странная метаморфоза: Упсала внезапно начала расти. Конечно, в сравнении со столицей город небольшой, зато какой величественный! Особое, упсальское величие, ни с каким другим не спутаешь. Рассчитывала из профессорского кабинета у Английского парка переехать прямо на кладбище напротив.

Преподавание она очень любила. Горящие глаза ее студентов в начале курса, их энтузиазм, их уверенность, что в своем деле они достигнут недоступных ранее вершин и двинутся покорять следующие. Одаренность, поколенческая непредсказуемость. Когда один из ее романов получил Августовскую премию, докторанты опутали весь кабинет серпантином, а в торт воткнули подарок – очень красивую, наверняка старинную серебряную лопатку.

– Для нобелевского торта тоже сойдет, – сказал кто-то.

А студенты встретили ее овацией. Стояли и хлопали в ладоши минут десять. Ну, может, не десять, но уж пять точно. Коллеги по кафедре скинулись на бутылку превосходного шампанского. И она опозорилась – сама не заметила, как съела чуть не полторта.

Сейчас она вспоминала все это с горечью. С трудом подавила желание пойти на кухню и что-нибудь пожевать – опять оскалилась и зарычала разбуженная медведица.

Вцепилась руками в колени и сделала глубокий вдох. Выдох, опять вдох.

– Злись не на себя, ищи корень зла, – неожиданно для себя сказала вслух.

На что злиться? Где этот корень? Куда нанести удар?

Она по-прежнему не могла понять, как извернулась Партия Здоровья, чтобы проташить новый закон о занятости. Увольнять людей из-за лишнего, по их малопонятным расчетам, веса... совершенное безумие.

Всем занятым в государственном секторе, у кого жирно-мышечная квота выше 42, дается три месяца на похудение. *Жэ-эМ-Ка...* *Жопа Меньше Кулачка*, мысленно расшифровала Глория, усмехнулась и подавила желание выругаться. Три бесплатных визита к нутриционисту и три оплаченные недели для лечения и тренировок. Удастся похудеть – оставайся. Не удастся – уходи.

Если закрыть глаза, можно легко его представить, этого Сверда. Подтянутый, элегантный, энергичный, проводит встречу с избирателями на фоне желто-голубого национального флага.

Для нашего юного поколения решающее значение имеет хороший пример. А где они проводят большую часть времени? Вот именно, в школах, в гимназиях, в высших учебных заведениях. Там и должны устанавливаться и поддерживаться стандарты. Нам нужен прорыв, у нас нет времени на раскачку – на кону стоит наше будущее, и мы рискуем его потерять.

Это не угроза, сказал Юхан Сверд. Это, если хотите, морковь. Стимул.

Через несколько дней извещение уже лежало в ее ячейке для текущей корреспонденции, сложенная бумажка в пластиковой оболочке, похожая на квитанцию штрафа за неверную парковку.

ЖМК-54 Эстер Глория

Согласно нашему регистру, ваша ЖМК на сегодняшний день составляет 54, что значительно превышает ВГН-42 (верхняя граница нормы). Чтобы сохранить вашу должность в

Упсальском университете, вы должны довести уровень ЖМК до приемлемого. В вашем распоряжении три месяца.

Могли бы написать, скажем, так: доктор философии Эстер, вы работаете в университете пятнадцать лет и за все годы ни разу не взяли больничный. Или хотя бы “дорогая Глория”. ЖМК-54 – вот каков теперь ее главный научный титул.

Подписи на извещении не было. В нижнем правом углу, как сигнал светофора, ярко-красная печать.

В электричке по дороге домой ее начал терзать стыд. Две девушки через проход всю дорогу до Книвсты беспрерывно хихикали. На вокзале купила сэндвич с креветками – продавец посмотрел осуждающе, но смолчал. Не стал нарушать национальную традицию. Мол, твое дело. Жри, пока не лопнешь. Она ловила на себе такие взгляды и раньше, но теперь словно глаза открылись. Еще через неделю в метро кто-то незаметно сунул ей в карман записку.

Не плохой обмен веществ, а обжорство.

Внезапно выяснилось – это не единичные уколы, а правило. Ее организованно преследуют.

И она опять начала голодать, хотя прекрасно знала, чем это кончится. Было почти невыносимо смотреть на свои фотографии в молодости. Боль причиняло не столько ощущение потерянных лет, сколько равнодушие окружающих. Никто – ни семья, ни друзья – не протянул ей руку помощи, когда она так в ней нуждалась. Много лет она позволяла вечно голодной медведице квартировать у себя в голове, и ни разу никто даже пальцем не шевельнул, чтобы помочь выбраться из порочного круга.

Пятнадцать лет повторялись эти приступы, она в отчаянии вставала на весы, голодала, болела, а потом все начиналось вновь.

Много позже услышала она слово *булимия*¹⁹. И еще несколько лет понадобилось, чтобы преодолеть психоз. А помог ей в этом психотерапевт по имени Зигмунд Эрикссон. Глория вначале приняла его в штыки. Ее бесили его методы, а главное, имя (если уж родители называли тебя Зигмундом, надо быть не в своем уме, чтобы выбрать профессию психотерапевта).

А когда раздражение улеглось, выяснилось, что именно он стал ее спасителем.

– Нет никаких запретов, – сказал доктор Эрикссон на первом же сеансе. – Поскольку расстройства питания не что иное, как расстройство самоконтроля, проблема заключается не в еде, а в предрассудках. Не существует ни хорошей, ни плохой еды. Никакой разницы. Тело само подсказывает, что человеку нужно. Шоколад и брокколи – никакой разницы. Конфеты, сыр, хлеб, вареная треска – можете смело ставить между ними знак равенства.

Глория улыбнулась. Похоже, психотерапевт сам нуждается в лечении.

– А как же калории? – спросила она, постаравшись, чтобы вопрос не прозвучал снисходительно.

– Я уже сказал, не существует плохой и хорошей еды. И калории не существуют. Их нет. Обещаю, Глория, как только ты перестанешь думать, сколько калорий ты съела, медведица оставит тебя в покое. В тот день, когда ты поймешь, что все, на что упадет твой взгляд, имеет равную ценность, ты выздоровеешь. И будешь есть именно то, к чему лежит душа. Сегодня ватрушка, завтра помидор. Человеческое тело устроено так, что оно регулирует само себя. И вес оно тоже регулирует, независимо от сознания.

¹⁹ Нервное расстройство, для которого характерны повторные приступы переедания. Булимия часто сопровождается чувством вины, заставляющим больного постоянно контролировать вес и принимать неадекватные меры – вызывать рвоту, принимать огромные дозы слабительных и т. д.

– Была б у меня дома ватрушка, от нее через полминуты ничего бы не осталось.

– Именно поэтому... – Зигмунд Эрикссон посмотрел на нее долгим взглядом и выдержал паузу. – Давай сделаем так... если бы тебе разрешили есть все и в любых количествах, что бы ты выбрала? Что ты, собственно говоря, хочешь, Глория? Твое самое сильное желание? Что бы ты хотела съесть больше всего?

– Трудно сказать...

– Пирожные? Булочки с корицей? Ириски? Или, может, пицца?

– Пожалуй... пицца, благодарю вас... и побольше. – Глория слегка покраснела. Шутка показалась ей плоской и неуместной.

Но психотерапевт Зигмунд даже не улыбнулся.

– Так зайти по пути в пиццерию. Забей буфет пиццами, любыми. “Маргарита”, “Маринара”, “Грандиоза” – не имеет значения. На какие взгляд упадет. Если будешь знать, что у тебя имеются штабеля пиццы, что хватит и на завтра, и на послезавтра, этого знания вполне достаточно. У тебя не будет потребности съесть все сразу. Еда потеряет сакральную ценность. Голод – совершенно естественное состояние, человек с этим рождается. Почему новорожденный успокаивается, как только мать дает ему грудь? Потому что не знает, что это преступление. Ты, конечно, в последнее время делала много глупостей, но это пройдет. Все вернется в норму.

– Я знаю, чем это кончится, – обреченно прошептала Глория. – Я никогда не перестану...

– Перестанешь. Обещаю, перестанешь.

Она покачала головой. *Этот тип не в своем уме.*

Зигмунд опять глянул на нее – испытующе и добродушно.

– А что тебе терять?

– Я стану толстой.

– И что? Ты станешь здоровой.

Глория ушла от доктора Эрикссона с брошюрой “Помоги себе сам” в розовой пастельной обложке.

Она решила попробовать. Много ела – и много плакала. И в конце концов наступил перелом. Из литровой коробки с мороженым она положила на блюдо граммов сто – и оказалось достаточно. *У меня же еще три коробки. Никуда не денутся.* Захотелось картошки – поела картошки. Пай из порея. Самым трудным оказалось научиться не травить себя постоянными упреками. Постепенно, медленно, но верно, научилась прислушиваться к своим чувствам, а не глушить их едой.

И главное – поняла: не надо ждать, что вот, мол, похудею и тогда-то начнется настоящая жизнь. “Твоя жизнь уже здесь, она с тобой, – сказал доктор Эрикссон на втором или третьем сеансе. – Ты заслужила эту жизнь, независимо от стройности фигуры. Ты много сделала и сделаешь еще больше”.

Наверное, у мужчин нет таких проблем. Они тратят энергию на что-то полезное, а не думают с утра до ночи, как они выглядят. Они пользуются отпущенным им временем, чтобы *жить*.

Сколько раз повторял ей Зигмунд Эрикссон: все люди разные. Мерцающие цифры на весах ничего общего со здоровьем не имеют.

Но тут, как черт из табакерки, выскочил Юхан Сверд, и все покатилося под откос. Даже от его предвыборных плакатов портилось настроение, и она старалась не выходить из дома. Вскоре после его *ЖМК-реформы* она обнаружила себя перед телевизором с кочаном вареного салата. Ну нет... До нее начало доходить: увольнение с работы спасло ей жизнь. Личная катастрофа обернулась спасением.

Они выкинули ее из университета, потому что она слишком много весит. Рано или поздно мир поймет, что стоит за этим названием – Партия Здоровья. А уж тогда-то Юхан Сверд со своей фирменной Джон-Фицджеральд-Кеннеди-улыбочкой отправится в тюремную камеру. А

пока надо выстоять. Во что бы то ни стало – выстоять. Запретили работать с людьми – можно работать дома. Что они могут сделать? Вломиться, отнять компьютер?

От них можно ожидать все что угодно, но они не могут заткнуть ей рот. Не могут отнять шевелящихся губ. Не могут помешать писать.

Глория отложила на полку роман и начала писать “Хронику текущих событий”. Именно под этим названием полвека назад советские диссиденты издавали свой грозный реестр преступлений власти. Со временем она вновь займется художественной литературой, но Сверд с его бандой перещеголяли самые мрачные фантазии. В конце концов, у нее есть работа. Почему настоящая работа обязательно должна быть кем-то заказана или поручена? Биби, соседка по площадке, рассказывала, как прилепила магнитиком к холодильнику список дел и занятий, чтобы не сойти с ума после досрочного ухода на пенсию. Как будто потребность купить почтовую марку или кошачье питание может заставить кого-то вылезти из постели. Нет, конечно, может – если кошка мяукает ночи напролет.

Замечательная женщина. Она обычно приглядывает за квартирой, когда Глория уезжает на дачу работать над романом. Приходит со свежее испеченным лимонным пирогом именно тогда, когда Глория ни о чем так не мечтает, как о пироге с лимоном и яблоками. Биби на десять лет старше, но с ней, по крайней мере, можно поговорить. Остальные молча косятся и отворачиваются.

Неправдоподобно громко звякнул дверной колокольчик. Глория вздрогнула. Кто бы это мог быть? Биби никогда не звонит. Детишек, собирающих деньги на школьную экскурсию, после переезда из Упсалы она не видела ни разу. В этом районе Сёдермальма живут люди или до тридцати, или далеко за пятьдесят. Если пара решает завести детей, то не успеют высохнуть чернила на справке о беременности, как семейство уже торопится перебраться в районы поспокойнее – в Хегерстен или Туресё.

Посмотрела на часы.

Сразу отлегло. Посыльный.

Она поправила блузку, пригладила волосы. Сегодня в кои-то веки заставила себя одеться – не все же время таскаться по комнатам в халате. Мягкие хлопковые брюки жмут на животе.

Никак не может привыкнуть. До сих пор кажется неприличным просить кого-то привозить тебе еду. Она может сколотить полку или починить текущий кран, так почему нельзя сходить в магазин и купить все, что нужно?

Парень в белой бейсболке. Вымученная улыбка.

– Ваш заказ.

– Поставь в углу, – безразлично кивнула Глория.

Порылась в бумажнике. Наличные кончаются – надо взять в банкомате и разменять в “Прессбюро”. Это тот же парень, что и в прошлый раз. Глория сглотнула слюну, поблагодарила и протянула ему двадцать крон.

Он молча взял ассигнацию. Постарался не прикоснуться к ее руке. Или показалось?

Она прислушалась к шагам – торопливо сбегает по лестнице. Почему-то дождалась, когда хлопнет дверь в подъезде, и только тогда открыла пакет.

Ему и не надо было ничего говорить. К примеру, мог бы заметить, что ей дешевле обошлось бы самой добежать до угла или что принесенной им еды хватит на целую казарму – все это читалось на его лице. Но она-то знала: не успеет открыть дверь в магазин, начнутся перешептывания, презрительные взгляды... Ну нет, возможность заказать еду на дом – благословение божье. Хотя не исключено, что и взгляды, и шепотки ей просто мерещатся. Но воображаемое, как известно, трудно отличить от реальности. А иной раз и невозможно.

Глория отнесла пакеты в кухню. Выложила продукты на разделочный стол, и настроение сразу улучшилось. Улыбнулась упаковке с шоколадными вафлями... представила, что и вафли

улыбнулись в ответ. Ей уже несколько дней мерещились эти вафли. И хлеб тот, что надо, не ватный нарезной, как в последний раз, а грубоватая, неправильной формы буханка с толстой коркой. И мякоть в дырках, как на хорошем сыре.

Положила буханку в хлебницу и услышала, что кто-то скребется в дверь. В животе похолодело, даже дышать перестала. Открыла дверь – вырвался вздох облегчения.

– Ф-фу...

На пороге стояла Биби.

– Пора пить кофе? У тебя идеальный тайминг.

На непокорные густые волосы накинута красная платок. Цветастая туника и штук десять таких же ярких браслетов, пять на правой руке, пять на левой. Сосчитать трудно.

– Я просто хотела узнать, как ты...

– Че-пу-ха! – по складам произнесла Глория и втащила соседку в прихожую. – Я уже включила кофеварку. Погоди, только разберу продукты.

Они прошли в кухню. Биби с интересом глянула на пакеты.

– Тоже хотела попробовать, но как-то... А это не дорого?

– А... все равно.

Глория поставила на стол молоко и йогурт. Принесла кофейник. Пакеты так и остались неразобранными, можно этим заняться потом.

– А ты уже не пользуешься этими... подсластителями? – Биби присела за стол, не сводя глаз с белой упаковки сахара-рафинада.

– Давай не будем об этом.

Биби рассмеялась.

– И не будем. Сахар и сахар... что может быть вкуснее? А вот что меня насторожило – эти воздушные сигары или как их там...

Теперь расхотелась Глория.

– *AirFood*, ты имеешь в виду? Питание будущего! *Взрыв вкуса – ноль калорий*.

– Сохрани меня Господь.

– И меня возьми в компанию. Пусть и меня сохранит. Но теперь все, я покончила с этим кривляньем. – Она подула на горячий кофе, решительно трянула головой, подошла к неразобраным пакетам и сложила руки под внушительной грудью. – Вот именно! Покончила. Кстати, тут есть шоколадные вафли.

– Нет необходимости, – сдержанно отказалась Биби.

– У меня есть! Есть такая необходимость!

Она высыпала вафли в корзинку и взяла сразу две.

Биби молча отхлебнула кофе.

– У тебя все в порядке? Вид немного... усталый, что ли.

– Племянница...

– Малин?

Биби опустила глаза и уставилась в чашку, будто рассматривала что-то.

– О, Глория... разве я не рассказывала? Столько всего навалилось в последнее время. Значит, забыла.

– Она больна?

Биби помолчала, будто прикидывала, стоит ли рассказывать.

– Мы даже не догадывались, что дела настолько плохи. Ты же знаешь, как молодые в нынешние времена травят друг дружку в интернете. А Малин... – Она всхлипнула.

– О нет!

– Приняла какие-то таблетки. Промывали желудок, но...

Глория судорожно сглотнула. *Только не Малин.*

– Когда это случилось?

– Две недели уже.

Глория онемела. Да, у девочки всегда были комплексы по поводу веса, но... как она не заметила? Из всех людей на земле кому бы и забить тревогу, как не ей?

– Хотела стать писателем... – тихо сказала она. – В прошлом году просила с ней позаниматься. “Буду приходить, когда вам удобно, Глория... Прибираться, заполнять бланки, варить кофе. Я так хочу стать писателем, все остальное мне неинтересно, ну пожалуйста, пожалуйста... всего пару недель”. Пока она пересказывала слова Малин, сдавило горло. Наверняка слышны слезы в голосе.

А Биби заплакала по-настоящему.

– Я знаю. Она рассказывала.

– Надо было с ней поговорить.

– Ее мать, моя сестра, сказала, что из этого ничего не выйдет. Она в последнее время совершенно замкнулась.

– Сколько ей было? Шестнадцать?

– Пятнадцать.

– Какой ужас...

– Ну вот, явилась с плохими новостями. Не надо было портить тебе день.

– Особенно нечего портить... И до твоего прихода день не сводился к порханию среди цветов.

Биби горько засмеялась.

– В каком странном мире мы живем.

– Кто бы мог подумать? Кто бы мог в самых диких фантазиях предположить, что все так обернется?

– Юхан Сверд, полагаю. Что он вбил себе в голову? Что за бес нашептал ему весь этот бред?

– Бес? Знаешь, сидела я вчера, писала что-то, и тут словно ударило – а вдруг этот поворот неизбежен? Вспомни весь этот треп лет десять назад! Телевидение, газеты – настоящий бум. Ах, ожирение, ах, адинамия, ах, здоровый образ жизни. Тысячи советов, как похудеть. Чуть ли не шаманы какие-то лезли в ящик с советами.

– Ну нет, это не одно и то же. Тогда ты мог выключить телевизор, читать другие газеты. Кто хочет, пусть голодает, бегает, прыгает, падает в обморок – тебя это не касалось.

– Ты права и не права. Юхан Сверд оседлал этот психоз – и, надо признать, мастерски. Потянул за нитку, которая и дураку была видна. Другой вопрос – почему он это сделал? Зачем?

– Вот-вот. – Биби подняла чашку, словно захотела чокнуться. – Ответишь на этот вопрос – получишь еще одну Августовскую премию.

– Августовскую премию писателям с ЖМК больше сорока двух в нынешние времена не видать как своих ушей.

– Тогда можешь взять псевдоним, – бледно усмехнулась Биби.

– У меня... – Глория потянулась еще за одной вафлей, – у меня есть предчувствие, что император Сверд свалится со своего трона раньше, чем мы предполагаем.

– Остается только надеяться, что ты права. – Биби зажмурилась и трижды постучала по деревянной столешнице.

В этот час на кладбище в Хаммарбю обычно никого нет. И сейчас пусто, если не считать двух подростков на парковке – прибежали покурить тайком. Склеп Петерсов с другой стороны леска, у самой ограды. Рите поставили отдельный камень рядом с отцом. Ландон уже больше часа сидел на зеленой деревянной скамейке. Смотрел на каменную птичку, на давно увядшие розы на могильной плите.

Если бы я только...

Рита так часто повторяла эти слова, когда речь заходила о Леннарте, ее отце. Теперь-то он понимал, что она хотела сказать.

И ведь он знал! Бессмысленно себя уговаривать – дескать, они давно уже не вместе, он не знал, откуда ему знать... Ложь. Он знал. Ее бледность, вялость, нежелание ничего делать. Сидела у телевизора, скорее всего понимая, что гибнет, – и ничего не предпринимала. Есть такое понятие – бороться с болезнью, бороться за жизнь. Рита боролась с жизнью. Тогда, после смерти Леннарта, Ландон сидел с платком, вытирал ей слезы, подставлял плечо, все делал за нее.

И все же предал.

Врачи в Академическом госпитале сказали – аутофагия. Тело за недостатком питания начало пожирать внутренние органы. Еще что-то про дисбаланс электролитов.

Ландон никогда не забудет это зрелище. Когда он открыл дверь квартиры на Лютхагсэс-планаден, Рита была уже мертва. Давно мертва. Ооченение прошло, серая кожа свисала мешком, тонкие волоски на руках. *Мертвые* волоски.

Шкафчик в ванной набит лекарствами для похудения. В кухне нераспечатанные пакеты с пищевыми добавками и протеиновым порошком. На плите кухонные весы, настроенные на децилитры, – очевидно, что-то измеряла. Врачи сказали – она уже больше месяца ничего существенного не ела. К тому же эта так называемая вакцина *Purify*, неразумно при ее весе.

Так и сказали: *неразумно*. Будто речь идет о небольшой ошибке, случайно принятом решении – *неразумном, но поправимом*.

Больше он ничего не помнит.

Опять пошел мокрый снег. Скоро растает – зима идет к концу. Работа... что – работа? Время от времени Ландон появлялся на кафедре и что-то говорил, с трудом произнося слова.

Зажмурился и сжал в кармане маленькую плюшевую собачку в полосатой пижамке. Хотел положить на могилу, но сейчас мысль показалась глупой и неуместной. Искра жизни в царстве смерти. Будто пробежал ребенок и обронил игрушку.

Хруст шагов по гравии. Ландон поднял голову: пожилая женщина в клетчатой юбке бодро шагает к соседнему участку. Желтые тюльпаны, в другой руке зеленая пластмассовая ваза, притворяющаяся маленькой урной. Взгляды встретились, и она весело помахала ему тюльпанами. Должно быть, на могилу родителей, подумал Ландон с внезапной завистью. Или старшей подруги. К кому-то, кто умер в назначенный природой срок.

Первая мысль была – подать в суд. На университет. На Юхана Сверда. На Телевидение Здоровья, на поликлинику. И что? Риту не вернешь. Он часами лежал на диване и тяжело дышал, будто ему наступили сапогом на грудь. Даже не мог заставить себя поехать на Каварё и объяснить Хелене.

Прошло уже пять месяцев.

Проводил глазами женщину с тюльпанами. Та наклонилась над могилой, вдавила в землю вазу и тут же выпрямилась.

Быстро справилась, с неприязнью подумал Ландон. А почему с неприязнью? У каждого была бабушка, пекла лучшие в мире булочки с кардамоном и в один прекрасный день исчезла. Его бабушка, к примеру, любила птиц и Повела Рамеля²⁰. А какая-нибудь другая бабушка обожала свою рыжую собачку и крутила восковые свечи к Рождеству. Раз в год потомки зажигают лампадку на могиле и уходят. Словно уверены, что некоторым там и место – в двух метрах под землей. Так, мол, устроено на нашей планете. Придет время – все там будем.

Но Рита... она-то что там делает? Ее-то время еще не пришло!

Ландон не мог заставить себя примириться. Рите не место под землей.

²⁰ Повел Рамель (1922–2007) – шведский композитор, поэт, певец, автор комических ревью.

Клетчатая дама опять прошла мимо, теперь в обратную сторону. Приветливо кивнула. Он обратил внимание: вид у нее уже не такой бодрый. Вяло приподнял руку – ответил на приветствие, встал и пошел к машине. Подростки на парковке все еще курили, воровато оглядываясь.

Йогурт? Или последний ломоть шоколадного торта? Не надо... нельзя, ты ешь слишком много.

Глория подавила сомнения. *Не начинай снова.*

Уже пятый раз подходит к дверце холодильника. Подойдет, постоит – и назад в комнату. Полдня прошло в этих челночных рейсах. И забытый голос в голове, даже не голос, а рев – снова встала на дыбы и рычит голодная медведица.

В изнеможении присела на табурет и попыталась вспомнить голос Зигмунда Эрикссона. *Твое самое сильное желание?*

Открыла холодильник и обвела взглядом полки. Торт. Бутербродные вафли, шоколадные вафли. Два пакета чипсов.

Намечается вечеринка... Или? Кто-нибудь приглашен, кроме тебя?

Вспомнила, как посыльный взял чаевые кончиками большого и указательного пальцев, словно боялся заразиться.

Покосилась на разделочный стол. Последнее песочное печенье с утра сунула в пакет, чтобы не мозолило глаза. В хлебнице коричневые булочки – Биби притащила.

Прислушайся к себе, Глория. Прислушайся к своим желаниям и примиришься. Ты не можешь жить чужими желаниями. Каждый человек – вселенная, похожих нет.

Стало хуже. Можно сколько угодно себя успокаивать, но факт остается фактом – стало хуже. Ночью встала и съела все, что попало на глаза. Если посветить ультрафиолетом, из кухни к постели наверняка тянется фосфоресцирующий сахарный след.

И зачем она столько сидит у телевизора? Интервью с Грегором Сёсселем. Тема? Ну разумеется, “Глобальная пандемия ожирения”.

Мрачная действительность опровергает все прогнозы. Широкая, плохо ассоциирующаяся с мрачной действительностью улыбка. Ожиревшие люди – отнюдь не веселые толстяки из комедий. Ожиревшие люди не хотят ничего. Они хотят умереть.

Глория возненавидела Грегора Сёсселя почти так же, как Ольгу Джеймс. Деревенский врач заделался телевизионным гуру, главным проповедником незамысловатой максимы: *народ должен заботиться о себе сам.*

И как ему удалось стать директором Института питания? Может, пожертвовал такие суммы на деятельность института, что тут же его и возглавил? Это было бы естественно, но вряд ли. Скорее всего, протеже Сверда. Телевидение Здоровья не только сменило название, оно изменило лицо. Обязательный тест на здоровье при получении гражданства. Лимит веса для внутренних авиарейсов. ЖМК выше сорока двух – иди пешком. Ничего удивительного, что партия первым делом упразднила должность омбудсмана, уполномоченного по борьбе с дискриминацией.

Она опустила на стул, не в силах оторвать глаз от завязанного пакета. Сколько там булочек осталось? Три? Четыре? А если смазать маслом и разогреть в духовке?

Сначала чувство, Глория. Прислушайся к чувству.

Тряхнула головой, будто сбросила дурное видение, открыла блокнот. Ее спасение. Всегда было спасением, текст проясняет мысли. Но на этот раз уже неделю не может разродиться. Каждый день начинается с уговоров: возьми ручку, Глория, тебе сразу будет легче. Если знаешь и понимаешь врага, страх проходит. Понимание и страх исключают друг друга.

“Следить за деньгами”. Запись на чистом листе обведена в кружок. И другая, поменьше: *“Кому выгодно?”* На эти навязшие в зубах детективные вопросы прямого ответа не было. Индустрия голодания расцвела еще до прихода Партии Здоровья к власти. Там крутились немис-

лимые деньги. Частные клиники, предлагающие липосакцию, шунтирование или перевязку желудка, росли в Стокгольме как грибы. Институт питания обеспечил фармакологическим предприятиям миллиардные доходы. Да, соблазнительно... самое простое решение вопроса: жадность. Но невозможно объяснить массовый психоз только деньгами. Большая часть здравоохранения зависит от народных денег, поэтому Сверд не устает повторять: ожирение обходится людям очень дорого.

Но разве этого достаточно? Его идеология чересчур радикальна, чтобы заразить всю нацию. Никто не становится фанатиком только потому, что его огорчает разбазаривание денег налогоплательщиков.

Глория погрызла ручку. Ей представилась коричневая булочка с маслом и сахаром.

Не хватает мотива. Рационального мотива. Почему полемика вокруг ожирения с самого начала приобрела характер истерики? Почему человек с лишним весом неприемлем в обществе? Когда Сверд впервые появился на телеэкране, народ словно бы издал вздох облегчения: наконец-то нашелся человек, высказался. А как же! Мы-то давно так думали. И сам он как реклама здорового образа жизни – красивый, энергичный, спортивный.

Перевернула страницу и начала писать. А может быть, проблема в народе? Сработала известная всему миру шведская умеренность? Надежность “вольво”, практичность “ИКЕА”? Кто еще, кроме шведов, стал бы хвалиться умением сдерживаться и не выпячивать свои достоинства?

А лишний вес и есть выпячивание. Достаточно взглянуть на эти пышные формы, и всякому ясно: их обладательницы делают все, чтобы привлечь к себе внимание. Статс-министр нашел золотой прииск. Стигматизация полноты того же рода, что и стигматизация гомосексуализма. “Они не хотят стать такими, как мы” – простое решение космически сложного вопроса. Толстая баба-обжора, в Средние века таких сжигали на кострах. Сейчас не сжигают, но здоровое общество говорит таким: *мы запрещаем. Для вашей же пользы.*

Козлы отпущения, написала Глория крупно. Вечером же оформит заметки в осмысленный текст.

Она положила ручку на стол, расправила затекшие плечи. На этот раз не стала просвечивать рентгеном пакет с булочками у мойки, а посмотрела в окно – голубое, без единого облачка небо. Будто и не было утреннего дождя.

И стало намного спокойнее. Слова – не больше чем слова. Несколько букв в определенном порядке. Но откуда взялась их загадочная магия, в какой эволюции сформировалась? С каких небес свалились метафоры и неразгаданные чудеса синтаксиса?

Именно поэтому она начала писать так рано. Все, что можно описать, сделать текстом, – все это можно понять и почувствовать. А значит, пережить.

Решительно поднялась, достала из холодильника масленку и включила духовку.

Хелена несколько раз собиралась ему позвонить. Неделю назад открыла “Эниро”, нашла телефон Ландона Томсона-Егера, хотела набрать, но не решилась. Не лучше ли дожидаться, пока он позвонит сам? Даже если не позвонит, наверняка скоро вернется.

Но нет. Шла неделя за неделей. Через месяц она поняла: его временная, случайная, вызванная какими-то неизвестными ей обстоятельствами поездка в Упсалу оказалась такой же временной, как принимаемые статс-министром Свердом “временные меры”. Сосед с двойной фамилией оказался самым обычным дачником: приехал на пару недель, подышал деревенским воздухом – и только его и видели. Мать всегда говорила: поди пойми, что у них на уме, у городских. Держи на всякий случай ушки на макушке.

Молли, слава богу, не очень переживала из-за его отсутствия. Уже через неделю после отъезда Ландона в доме появился приبلудный котенок и вытеснил из ее головы образ *бананового наркофана*. Поначалу они боялись, что котенок не выживет: истощенный, вялый,

бумажная мышка на нитке не вызывает ни малейшего интереса. Но зверек отъелся, шерстка заблестела, и уже через пару месяцев вырос так, что издали его принимали за собаку. Мастер, как его назвала Молли, целиком поглощал ее внимание.

– Что скажешь, Мастер-кнастер? – Хелена погладила маленький малярный верстачок. Кот, пришедший проконтролировать, что делает в подвале одна из его сожительниц, пошевелил ушами и посмотрел на нее равнодушно и загадочно. – Сойдет?

Положила наждачную шкурку и оценила работу. Сначала она решила, что на верстаке неплохо будет смотреться горшок с цветами, но сколько ни шкурила, старые доски выглядели именно как старые доски – серые, шершавые и унылые. Может, покрасить? А почему бы и нет? Покрасить и отнести в комнату Молли. А еще лучше, пусть сама покрасит. Ей тоже нужно чем-то заполнять скучные зимние дни.

Зима выдалась долгой. В деревне ни одной живой души, кроме Мастера, если не считать двух кассирш в мини-супермаркете в Эрегрунде и соседа в Йиму. Обязательный визит в поликлинику... она постаралась про него забыть. Не верить же успокаивающим уговорам – ну что вы, ничего страшного, рутинное взвешивание для общенациональной базы данных. А самое скверное за весь день – забирать почту. Хелена открывала почтовый ящик и зажималась, собиралась с силами. Сердце на секунду проваливалось в пятки. Что там они еще придумали? Официальное предупреждение? Выговор? Вызов на принудительную операцию? Но пока ничего подобного. Даже не увеличилось количество предложений липосакции.

Иногда возникало ощущение – они в тюрьме. Каждый раз, уходя из дома, Хелена невольно оглядывалась. Пока школа не напоминала о себе, вроде бы примирились с отсутствием Молли. Но так же не может продолжаться вечно! Постоянный сосущий холод под ложечкой... Хорошо, хоть Молли ничего не замечает.

Отцу в доме престарелых стало хуже, но она не решалась его навестить. Что, если они увидят Молли и донесут властям?

Хелена опять взялась шкурить верстак, теперь ножки. Оправдается как-нибудь. Теперь она стала почти таким же виртуозом по части самооправданий, как ее сбежавший сосед. Что он там наплел? Нужен своей бывшей подружке?

Нельзя сказать, чтобы Молли окончательно забыла своего приятеля. Каждый день бежит к его дому, проверяет почту и притаскивает кучу рекламных листовок, которые тут же отправляются в контейнер для бумажного мусора. Изредка попадает почта, ее они складывают в коробку из-под детских башмачков. “Изредка” – не преувеличение, за все эти месяцы пришло четыре письма. Хелена почти не сомневалась, что это тоже реклама, только так называемая адресная. Но на всякий случай оставила. Один-единственный раз ей удалось ознакомиться с содержанием, поскольку это было не письмо, а открытка. Хелена положила ее на самый верх. Все же какой-то признак жизни.

Дорогой Бенне!

Здесь, на Кипре, тоже зима, а на самом деле весна в самом разгаре. И разноцветное море – тысяча оттенков голубого и зеленого. Жаль, что тебя со мной нет.

Горячо (как солнце) обнимаю.

Барбру

Хелена невольно засмеялась. Оказывается, у отца Ландона, помимо сбежавшей жены, есть еще и поклонница! Да еще и с поэтическими пристрастиями. Жену-то, приемную мать Ландона, зовут Амбер! Ей захотелось увидеть мину соседа при этом известии.

Наверное, глупо поддерживать в Молли надежду – а надежда у нее есть. Иначе зачем бы она каждый день бегала за его почтой. Пусть бежит, какое-никакое занятие. Играть с котом

и читать детские журнальчики все же маловато для оставшейся в одиночестве восьмилетней девочки.

Дочка и в самом деле одинока. Даже мысль вызывает чувство дискомфорта: одинокая восьмилетняя девочка. Может, настоять, чтобы читала школьные учебники? Решала задачи? Само собой, Хелена занималась с Молли, чтобы та не оказалась в отстающих, но уверенности, что этого достаточно, не было никакой. Пожалуй, даже наоборот. Хорошо... а какой выбор? Если бы продолжала ходить в школу в Йиму... детская травля еще страшнее. И успокаивающая мысль: достаточно. Больше чем достаточно. Когда вся эта история закончится, Молли будет знать не меньше, а скорее даже больше, чем ее одноклассники.

Когда закончится...

Мастер потянулся, спустился по лестнице, хотел было, как полагается, потереться о ногу, но, заметив древесную пыль, плюнул на правила хорошего тона и начал кататься в опилках. Она топнула ногой, кот подпрыгнул от неожиданности и осуждающе уставился на нее.

– Молли! – засмеялась Хелена. – Иди сюда, пора стирать твоего любимца.

– Что ты наделала? – Молли, прыгая через ступеньку, спустилась в подвал.

– Я? Посмотри на нас. Кто выглядит виноватым?

– Бедный Мастер! – Молли попыталась стряхнуть опилки, но кот увернулся, в два прыжка преодолел подвальную лестницу и исчез.

– Он на правильном пути. Иди открой ему дверь.

– А почему ты его не пропылесосила?

– Я? Думаю, что говоришь. А то и тебя вываляю в опилках!

Дочь раздраженно хмыкнула и исчезла так же быстро, как и появилась.

Что пошло не так? Она же хотела пошутить, развеселить, подбодрить девочку, а получилось наоборот. В Молли вселился дух противоречия. Скорее всего, ей и в самом деле скучно. Целую зиму никого не видит, кроме матери. Можно понять. И через неделю с ума сойдешь, а тут месяцы.

Хелена сменила истертую наждачную шкурку. Может быть, нарушить заданный порядок? Свезить Молли в Эрегрунд, оттуда на пароме добраться до Грэсё? Поесть на природе, послушать птиц. Страшно... а почему страшно? Ни у кого не вызовет подозрений. Подумаешь, большое дело – мама с дочкой на экскурсии. Никто и не заметит.

Начинается паранойя, решила Хелена. Конечно, никто на них и не посмотрит.

Сняла фартук, стряхнула, как могла, опилки и поднялась в дом. От такого предложения у дочки сразу поднимется настроение.

– Молли? Ты где?

Никто не ответил.

ВСТРЕЧАЙТЕ ДЕТЕЙ, КОТОРЫМ НЕ ГРОЗИТ ОЖИРЕНИЕ

Глория глазам своим не верила. На вкладке снимок крошечной девочки на горчишно-желтом больничном одеяле. Большие, совершенно круглые глаза, розовые ручонки сжаты в кулачки. Живот над подгузниками стянут белой повязкой. И ниже подпись: “Операция проведена в Каролинском госпитале в Стокгольме”. Сотни будущих родителей давно высказывали интерес к проекту, и сегодня наконец выполнено первое вмешательство.

Сжав зубы и задыхаясь от ярости, Глория подошла к окну. Черный после дождя асфальт, кое-где белые зернистые островки выпавшего града. Небо с каждой минутой темнеет, наливается сизо-розовым адским светом – готовится к новой грозе.

Вернулась к столу и заставила себя дочитать статью.

У толстых родителей гораздо чаще рождаются дети с избыточным весом. Нельзя забывать о генетической предрасположенности. Попытки ознакомить родителей с необходимой информацией, а также эксперименты с голоданием во время беременности удовлетворительных результатов не принесли. Поэтому принято решение о превентивном лечении детей с риском ожирения.

Пилотные исследования проведены учеными в Институте питания.

Рядом с кроватью стоял человек в белом халате и победно усмехался. Глорию так и передернуло от этой улыбки. Стефан Морд, гласила подпись, детский хирург. *Детский...*

При сегодняшнем уровне науки мы можем точно предсказать, кому из детей грозит ожирение, а кому нет. И это не догадки, а статистически достоверные цифры. Дети ожиревших матерей быстро набирают избыточный вес. Девять из десяти. Вопрос только в том, насколько рано проявится эта тенденция. Поэтому мы должны разорвать этот порочный круг. Наследственность – главное и тайное оружие эпидемии ожирения. Она продолжается, заражая поколение за поколением.

Вмешательство совсем несложное – вариант бандажирования желудка. В возрасте от двенадцати до четырнадцати месяцев желудок перетягивают силиконовой лентой, разделяя на два отдела – верхний, небольшой, и нижний. Двенадцатиперстную кишку подшиваем к верхней части. Таким образом, желудок сам блокирует избыточную нагрузку, он не в состоянии принять пищи больше, чем необходимо для поддержания жизнедеятельности. Через год операцию повторяют, препятствуя заложенной в мышечной структуре тенденции к растяжению.

Проект уникален – во всем мире нет ничего подобного. Мало того что он уникален – это огромный шаг в оздоровлении нации. Следующее поколение шведов будет не только здоровее своих родителей – оно будет избавлено от связанных с ожирением психических травм. Мы спасаем целое поколение от угрозы переизбытка. Наши дети просто-напросто не смогут переизбытывать!

“Риски, связанные с операцией, минимальны, – поясняет доктор Морд. – Само вмешательство длится не более получаса. Я прекрасно осознаю, что для многих эксперимент покажется, мягко говоря, противоречивым. Но как врач могу заверить: все не так страшно. Конечно, люди настороженно относятся к детской хирургии. Они уверены, что тело новорожденного прекрасно устроено и не требует никакой коррекции. Но здесь-то и кроется ловушка. Эти дети осуждены на ожирение *генетически*! Наша тактика призвана оспорить этот приговор. Оспорить и пересмотреть. Мы даем детям чистый лист, на котором они могут сами нарисовать свое будущее.

Как только закончим пилотную стадию, показания будут расширены. Всех молодых родителей обяжут регулярно проходить тест на избыточный вес, и даже больше – на предрасположенность к избыточному весу. И всем находящимся в зоне риска детям будет предложена эта простая, но эффективная операция. Родители с нормальным весом также получат возможность предотвратить опасность ожирения у своих детей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.